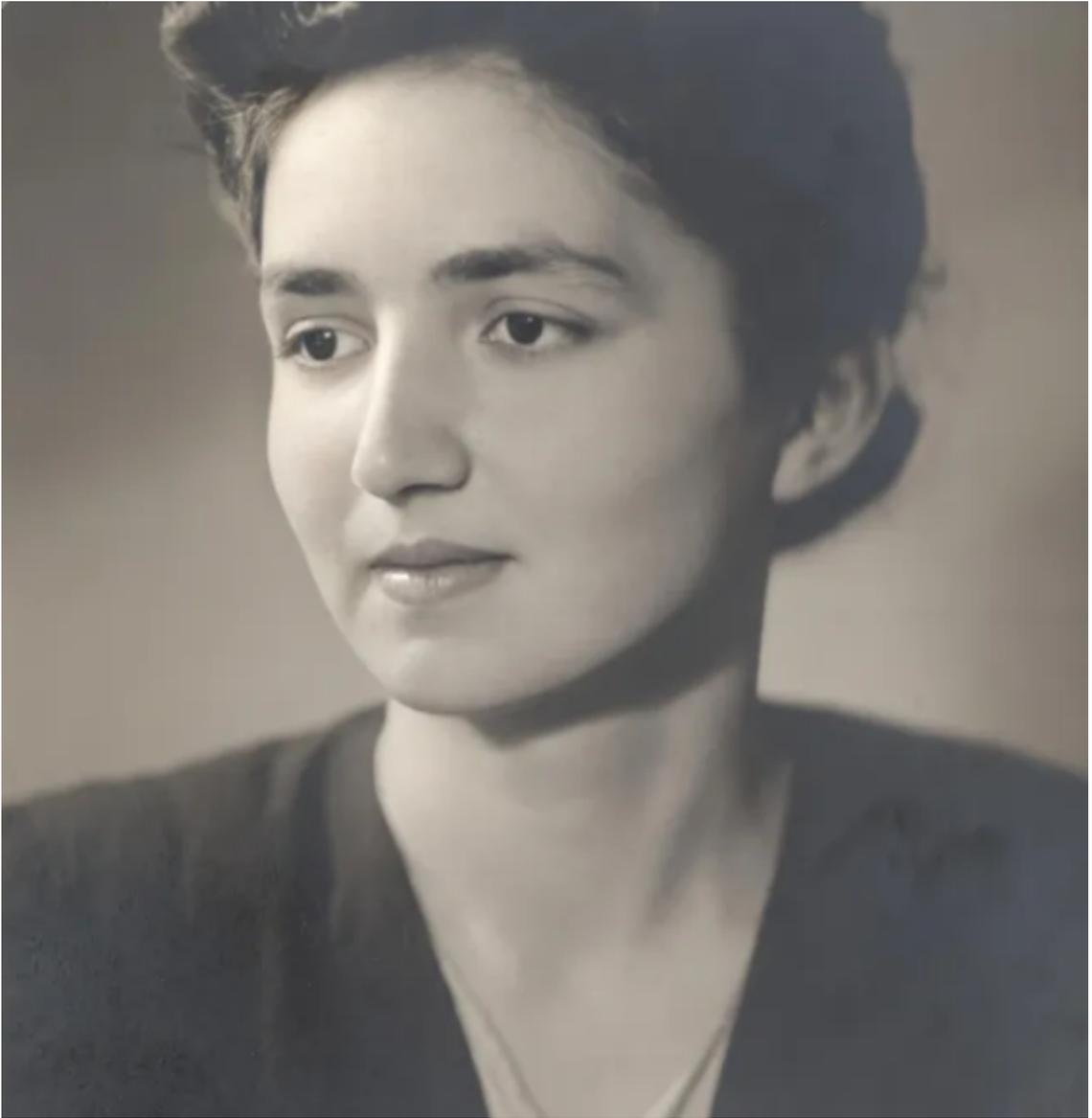

Зефира Бутаева

Запах родного ветра

Харьков

2009

ПАМЯТЬ,

или «Там, где Ганг стремится в океан...»

Галине Ильиничне Сайко посвящаю.

Я была в выпускном классе, когда в нашей школе появились два молодых, только что окончивших институт математика: Елена Ивановна, высокая, сероглазая, красивая блондинка, и Федор Георгиевич, веселый, быстрый, смешливый брюнет.

Не знаю, учились ли они в одной группе, но было естественно, что они, молодые, держались в школе вместе. Очень скоро мы стали замечать, что их явно связывает не только возраст. Уж очень увивался Федя – так запросто с первого же дня мы называли его между собой – вокруг Елены Ивановны. Она была так не по возрасту строга и серьезна, что и за глаза её все звали по имени и отчеству.

Почти каждую перемену кто-нибудь вбегал в класс и сообщал:

– А Федя опять стоит с Еленой Ивановной! И что-то говорит, говорит ей.

– А она?

– Молчит, только улыбается.

Через минуту новые сведения:

– Елена Ивановна и Федя ходят по коридору!

– И что?

– Он что-то рассказывает.

– А она?

– Молчит, даже не улыбается.

Мне очень бы хотелось быть похожей на Елену Ивановну. Она мне нравилась всем: и красотой, и величавостью, и сдержанными манерами. Елена Ивановна казалась мне очень неприступной, и было даже жаль

Федю, которого угораздило влюбиться (в чем мы все были убеждены) в Елену Ивановну.

Через месяц после начала занятий старшекласников вместе с Еленой Ивановной послали на сельхозработы в бывшей немецкий поселок, а попросту «Колонку», откуда в самом начале войны выселили всех немцев. Там мы и сдружились с Еленой Ивановной.

Жили мы в одном из опустевших домов. На ночь, закрывшись на все запоры, укладывались вповалку на соломенные матрацы, прислушиваясь к шмыганью одичавших кошек и наводящему ужас вою брошенных собак. Елена Ивановна, видимо, стараясь хоть как-то развлечь нас, рассказывала всякие истории из своей студенческой жизни. Особенно интересно было слушать рассказы о её женихе, находившемся на фронте. Елена Ивановна уже три месяца не получала писем и очень беспокоилась, не ранен ли он.

Как-то Елена Ивановна спела нам песню, длинную, душещипательную, с тягучей под стать словам мелодией. Песня всем девчонкам понравилась, легко запомнилась, и с тех пор уже каждый вечер мы пели её хором.

Там, где Ганг стремится в океан, где так ярок синий небосклон,
Там, где тигр крадется среди лиан и по джунглям бродит дикий слон,
Где тоска гнетет великан-народ, там порой звучит один напев -
То поет индус, скрывая гнев.

Край велик Пенджаб, там жесток раджа.
Там порой его приказ кровь и смерть несет подчас.
Для пустых затей, для жены своей
Весь свой народ магараджа гнетет.

Лесть придворных сделалась груба, и тоска властителя томит.
«Эй, позвать ко мне сюда раба, пусть хоть раб меня развеселит!»
Юный раб предстал, и раджа сказал: «Все вы преданны, слышал не раз.
Так исполни ж мой тогда приказ»

(Край велик Пенджаб, там жесток раджа)
«Ту, кого всего сильнее в мире любишь ты, убей!
Я тебе сказал, я так приказал!
Слово – закон. Иль будешь сам казнен!»

Ждет три ночи и три дня Пенджаб, ждет властитель, опершись на трон.
Вот к нему подходит бледный раб, чью-то голову бросает он.

(Следующие две строчки напрочь забылись, и когда я впоследствии воспроизводила эту песню, то пропевала их мелодию без слов).

«Край велик Пенджаб, ты жесток, раджа!
Ту, кого сильнее любил, для тебя, раджа, убил.
Ты мне так сказал, ты мне приказал!
Вера слепа. Прими же дар раба!»

После возвращения в школу я стала ходить в гости к Елене Ивановне. Мы подолгу сидели, решая задачи, которые Елена Ивановна специально для меня выискивала в старых сборниках. Она по-прежнему любила говорить о женихе, я поверяла ей свои девчоночьи тайны. Елена Ивановна принимала горячее участие в выборе моей будущей специальности. Мне казалось, что Елена Ивановна хочет, чтоб я пошла по её стопам. Но неожиданно для меня она как-то оказала:

– Тебе бы на филологический!

Я удивилась, решила даже, что не знаю, что такое филологический. Разыскала толковый словарь, убедилась, что это далеко не математика. В конце концов я прислушалась к её совету и поступила на филологический факультет.

Несколько лет спустя, приезжая на каникулы, я встречалась с Еленой Ивановной. Она стала еще более строгой, сдержанной: пропал без вести её жених. Потом я потеряла Елену Ивановну из виду. Слышала, что она вышла замуж, родила дочь, куда-то уехала.

А в памяти моей на несколько десятилетий застряла песня, которую когда-то пела Елена Ивановна. Кому только не напевала я её! Ни разу мне не встретился человек, который бы слышал её раньше.

С годами меня почему-то стало раздражать, что я не могу вспомнить две строчки из песни. И когда в этом году я начала поиски Елены Ивановны, можно было подумать (да мне и самой иногда так казалось!), что именно из-за этих двух строчек нужно встретиться с человеком, который, безусловно, помнит их. Но как искать? Где?

Начала я с телефонной книги. А вдруг Елена Ивановна, выйдя замуж, не изменила фамилию! Никто из «телефонных» Бойко (девичья фамилия Елены Ивановны) её не знал. Дом, где она жила с матерью, снесли. Одноклассники мои разбрелись по всему свету, я ни с кем из них не встречаюсь. Приходилось примириться с тем, что я навсегда рассталась с Еленой Ивановной, а значит, так и не узнаю эти злополучные две строчки из песни.

Как-то я разговорилась с племянницей, у которой гостила, вспоминали любимых учителей, она с теплотой рассказывала о своем математике, под влиянием которого и сама стала преподавателем математики.

– А как его звали? – спросила я.

– Федор Георгиевич Курузиди.

– Это же наш Федя!

Племянница даже оскорбилась:

– Мы его очень любили и никогда не называли Фedeй.

– Так я-то его знала совсем молоденьким. А ты не знаешь, где он работает?

– Он на пенсии. Живет где-то на улице Тельмана.

Я опять стала листать телефонную книгу. Фамилии Курузиди там не было, но значился телефон Курузаиди. Решив, что племянница перепутала фамилии, я позвонила по номеру Курузаиди. Женщине, поднявшей трубку, я объяснила, что разыскиваю математика Курузаиди Федора Георгиевича.

– Федор Георгиевич не Курузаиди, а Курузиди. Его номер недавно менялся, нового я не знаю.

– Откуда же Вы его знаете, если он не однофамилец? – спросила я удивленно.

– А нас, греков, в городе мало, и мы все знаем друг друга. Я помогу Вам. Запишите номер Петровых, его приятелей, они наверняка знают новый номер.

Тут же я позвонила Петровым, опять объяснила, что мне нужно.

– Ой, я не помню его новый номер, – произнесла старческим извиняющимся голосом женщина. – Вот телефон его невестки я могу Вам назвать!

Невестка, конечно, знала новый номер. И вот наконец у телефона Федор Георгиевич.

– Федор Георгиевич, я разыскиваю Елену Ивановну Бойко, свою учительницу. Вы помните её?

– Конечно. Мы несколько лет работали в одной школе.

– Вы не знаете, где она сейчас?

– Она на пенсии, как и я. Живет где-то недалеко от меня, но я не знаю ни её адреса, ни телефона.

– А какая у неё сейчас фамилия?

– Фамилии я не помню, – ответил Федор Георгиевич, помолчав, а потом почему-то заговорил раздраженно. – Да зачем Вам фамилия? Зайдите во двор продмага на Тельмана, спросите старушек, сидящих на скамейке, учителей все знают.

– А во двор какого магазина войти? – опросила я. – Их же на Тельмана несколько, как мне кажется.

– В тот, что ближе ко мне, – произнес Федор Георгиевич и повесил трубку. Федор Георгиевич был явно не в духе.

Звонить и переспрашивать, какой из магазинов ближе к нему, было неловко, и на следующий день я пошла во двор ближайшего к дому племянницы.

Было утро, старушки на скамейке еще не сидели, только одна женщина трясла дорожки. Я подошла к ней и спросила, не знает ли она, в какой квартире живет высокая стройная женщина, пенсионерка, в прошлом – учительница математики.

– Я не знаю, в этом доме недавно живу, но сейчас мы спросим Марью Петровну: она-то знает всех.

– Марья Петровна! – закричала женщина на весь двор.

– Выгляните! Вот тут дама ищет математичку на пенсии.

На один из балконов второго этажа вышла сухонькая старушка. Она подозрительно оглядела меня и сказала:

– В соседнем подъезде, в 15 квартире, живет литераторша. Математичек в нашем доме нет, – и еще раз окинув меня взглядом сверху вниз, старушка ушла в комнату.

Я зашла во двор следующего магазина. На скамейке сидели, оживленно разговаривая, две женщины, правда не старушки, а средних лет. Я подошла к ним и уже заученно – в который раз! – рассказала о своих поисках.

– Да это же, наверно, жена Козельского, – сказала одна из них. Она действительно преподавала математику. Я точно это знаю: она была классным руководителем у моей дочери. Ну помнишь, – обратилась она к своей соседке, – они жили на третьем этаже?

– А, это тот, что, напившись, бутылки сбрасывал с балкона? Как же, помню, я только не знала, что он Козельский. Так он же лет десять как умер. А куда жена делась, я не знаю.

– Она ушла от него. Взяла дочь и ушла. Измучилась она с ним. Он даже бил её. Я встретила её как-то на базаре и рассказала о смерти мужа. «Это, говорит, меня уже не касается. И вообще я переезжаю в другой город».

Представить, что кто-то мог ударить Елену Ивановну, было выше моих сил. Неужели это тот, о котором Елена Ивановна рассказывала в Колонке? А если не тот, как могла она, такая гордая, жить с алкоголиком? Одна фамилия чего стоит! Козельский!

Что-то мне и искать её расхотелось. По привычке полистала телефонную книгу. Фамилия Козельских там не значилась. Ну, и слава Богу!

Но что-то мне не давало покоя, и дня через два я позвонила Федору Георгиевичу и только начала рассказывать о результатах своих поисков, как он прервал меня:

– Глупости это. Елена Ивановна в городе. Неделю назад моя жена встретила её в магазине. И что Вы ходили по всем магазинам. Слушать надо внимательно! Я же сказал, что надо во двор того, который ближе к моему дому. Живет она во дворе магазина, что на углу улиц Тельмана и Пожарского. Вот только номера квартиры я не знаю. И никакая она не Козельская, а Давыдова. Два дня я мучился, но вспомнил!

Я так обрадовалась, что не стала уточнять: я не знаю, где он живет, а еще два дня назад не помнил фамилии Елены Ивановны. Уже прощаясь, Федор Георгиевич спросил:

– А как Ваша фамилия?

– Да Вы меня не помните. Я училась давно, к тому же не в Вашем классе.

– Я помню всё и всех, – твердо сказал Федор Георгиевич. Я назвала

свою фамилию.

– Помню я Вас! – почему-то обрадованно воскликнул Федор Георгиевич, – Худенькая черноглазая девочка с косичками.

Я не удержалась и громко рассмеялась: так можно сказать почти обо всех девочках-осетинках.

– Напрасно смеетесь, – обиделся Федор Георгиевич. – Я помню Вы на всех вечерах стихи читали и в школьных спектаклях выступали.

Это уже похоже на меня. Действительно, он помнит!

Опять телефонная книга! Вот она: Давыдова Е. И., улица Тельмана, Но... и рядом номер телефона. Набираю номер, длинные гудки и женщина (без сомнения, я слышу голос Елены Ивановны!) произносит:

– Слушаю Вас.

Не называя себя, я начала напевать: «Там, где Ганг стремится в океан...».

Я допела песню до конца и только тогда сообразила, что нигде не запнулась. А где же те строчки, забытые, казалось, навсегда? Я молчала, раздумывая над этим, а женщина говорила:

– Я не знаю этой песни, никогда не слышала её, она ни о чем мне не говорит. Вот если бы «Пути-дороги»... А собственно, кто это?

Опять что-то не сработало, и я не туда попала! Но ведь голос знаком мне!

– Извините, мне нужна Елена Ивановна.

– Это я.

– Елена Ивановна! Ну как же Вы не слышали этой песни. Вы пели её нам в Колонке.

– Я никогда не была в Колонке, – спокойно сказала Елена Ивановна.

– Как не были? Ну вспомните, Елена Ивановна: мы жили в Колонке, затем нас послали ломать кукурузу, ночевали в длинном сарае, пошел снег, заставший нас в поле...

– Кукурузное поле помню, но это было под селением Брут. Так кто же звонит?

– Елена Ивановна, это я, я...

Она услышала имя, фамилию не дала договорить.

– Боже мой! Откуда ты взялась? Где ты? Сколько лет мы не виделись! Целую вечность! Расскажи о себе. Хотя не надо по телефону. Запиши адрес. Я жду тебя.

Через полчаса я звонила в дверь Елены Ивановны. Дверь открыла не очень высокая (а я-то настойчиво искала высокую блондинку!) женщина, подтянутая, со светлыми строгими глазами.

– Проходите, проходите, дорогая. Как я рада видеть Вас!

– Елена Ивановна, почему Вы вдруг ко мне на «Вы»?

– Да как-то неловко иначе...

Я поняла её неловкость, когда в большом зеркале, висевшем в передней, увидела две одинаковые коротко подстриженные седые головы. Поди разбери, кто ученица, кто учительница! Годы стерли ту небольшую разницу в возрасте, которая была между нами.

– А это моя внучка, познакомьтесь.

С дивана навстречу мне поднялась девушка. Я взглянула на неё, и у меня защемило в груди: она была удивительно похожа на Елену Ивановну, ту давнюю, которую я помнила долгие годы! Похожа гораздо больше, чем сама Елена Ивановна, стоявшая рядом.

Потом мы пили чай и вспоминали, вспоминали...

– А помните, как однажды поздно привезли продукты в поле, я не успела приготовить обед к вашему возвращению с работы, так все ели недоваренное мясо. И ничего, обошлось. А я так тогда перенервничала!

– Помните, как мы возвращались несколько километров по снегу в разодранной обуви? А как все завшивели?

– О, об этом не хочется вспоминать. Я о другом. Помню Вашу маму, тихую, скромную женщину. Вы подвели её ко мне на выпускном вечере, и она за что-то благодарила меня. По-моему, говорила она по-русски с сильным акцентом. А еще и помню, в каком Вы, неожиданно для меня, шикарном белом платье были на вечере.

– Я держала в секрете, что у меня был кусок шелка от парашюта, на котором сбросился летчик с подбитого немецкого самолета. Я жила тогда в Гизели у своей тети, в доме которой перед самым наступлением немцев расположился штаб какого-то полка. Когда вместе с документами привезли в штаб парашют, то бойцы отрезали мне на память кусок «на носовые платочки», как они сказали. А хватило на платье!

Конца нашим «а помните?» не было. Я решилась наконец спросить:

– Елена Ивановна, а что стало с Вашим женихом?

– Он не вернулся. Попал в плен, затем штрафбат. Погиб он в Чехословакии в самом конце войны. Я долго горевала. Но жизнь есть жизнь. Я вышла замуж за военного. Колесила по всей стране вместе с ним. Жили в случайных квартирах. Только после отставки мужа я вернулась в родной город и обзавелась наконец этим углом. К сожалению, мужа схоронила несколько лет назад. Мы прожили с ним дружно. У меня сын в городе, живет отдельно, но часто навещает меня. Дочь обосновалась в Крыму. Вот приехала внучка поступать в институт. Мне сразу станет уютней, одной жить тоскливо. Внучка Елены Ивановны сидела напротив, внимательно слушала, переводя свои серые глаза с

одной на другую. Интересно, о чем она думала, глядя на нас? Мне показалось, что в её взгляде было и любопытство, и снисхождение, и жалость. Одно было бесспорно: девушка не могла себе представить, что когда-то она может быть похожей на нас.

В эту ночь я заснула с чувством удовлетворения. Мы встретились с Еленой Ивановной, я разыскала её! И я вспомнила, вспомнила сама забытые строчки:

И глядит раджа на неё, дрожа: в ней черты знакомы и милы,
В ней узнал лицо своей жены!

1995 год

ВОСКРЕШАЯ В ПАМЯТИ ПРОШЕДШЕЕ

Цикл рассказов

Никто не видит мир так, как видишь его ты, потому что ничьи глаза не похожи на твои, ничье восприятие не похоже на твое, ничье чувство не может быть таким, как то, которое ты испытываешь.

Гайто Газданов

Ни с чем не могу сравнить этого состояния – облегчения от высказанного.

Александр Солженицын

ТРАГЕДИЯ БРАТЬЕВ

Я проснулась ночью от шума. Горел свет. И первое, что я увидела, дрожащие пальцы отца. Он сидел рядом с моей кушеткой на стуле и натягивал носки.

По комнате ходили, топали сапогами несколько мужчин в военном. Затем они все ушли, уведя с собой отца.

Рыдала причитая мама:

– О, горе мне! Разрушился наш очаг!

Молчал, опершись на неизменную палку дедушка.

И оба они не заметили, что впервые за 20 лет жизни в одном доме он слышал голос своей невестки: по осетинскому обычаю мама не разговаривала при свекре.

Мы с сестрой плакали вместе с мамой, но не до конца понимали, что произошло, не знали, что отца мы больше никогда не увидим.

Отец исчез. А вместе с ним исчезли и все «богатства» нашей семьи: граммофон с огромной трубой, который отец заводил по торжественным дням, альбом в зеленой плюшевой обложке с красивыми пасхальными открытками (я хвастливо показывала их своим подружкам) и «святая святых» – пишущая машинка. Это была самая ценная вещь в нашем доме. Только в присутствии отца можно было прикоснуться к ней. Мне, как любимице, иногда разрешалось и отстукивать пальцем несколько слов.

Все это было привезено от мифического дяди Евгения из далекого Берлина, куда отец ездил в 1924 году за линотипным станком.

Я не знала, что такое линотипный станок, дядю я тоже не помнила (он приезжал на родину в 1927 году, когда мне был всего год), но он казался мне сказочно богатым. Ведь только благодаря его подаркам – двум костюмам и коричневой фетровой шляпе – папа был самый нарядный и красивый. Я не замечала тогда, что костюмы сидят на отце мешковато: Евгений был намного крупнее брата.

В семье у нас был «культ» дяди. С ним советовались по всякому поводу, если не прямо, то рассуждая: «А что бы сказал на это Евгений?».

Письма от дяди читались вслух по нескольку раз, затем вкладывались в зеленый альбом, постоянно лежавший на комод. Иногда в воскресенье все в доме затихало, ходили на цыпочках: это отец пишет письмо в Берлин. Когда я научилась писать, мне разрешалось дописать несколько слов в письме отца, и я тогда была страшно горда собой.

И вот всему этому пришел конец. Это было 28 октября 1937 года.

На следующий день мама, собрав какой-то узелок, отправилась искать отца. Я везде ходила вместе с ней: мама не совсем свободно говорила по-русски, а нервничая, вообще не могла выговорить ни слова.

Вначале мы пошли в тюрьму, отстояли в длиннющей очереди. Через маленькое окошко нам буркнули: «Такого у нас нет!» (Как точно подобная сцена показана в фильме Абуладзе «Покаяние»!)

В последующие дни мы методично обходили все места, где содержались арестованные. А мест этих в городе было много. Везде, где решетки на окнах, там и заключенные.

Наконец в помещении военкомата у нас приняли передачу. Через две недели еще одну.

...Как-то по городу пронесся слух, что ночью будут вывозить арестованных. Когда стемнело, мы отправились на вокзал. Вереницы людей тянулись по улице Кирова... Таясь, молча, боясь заговорить друг с другом. Приблизились к вокзалу. Долго стояли, прячась во дворах и парадных близлежащих домов. Рассвело, и все разошлись, ничего не узнав.

Когда в середине декабря мы принесли очередную передачу с выстиранным бельем, нам сказали: «Выбыл!». Это прозвучало правдоподобно: значит, действительно в ту ночь был этап и отца сослали. А мама до конца своих дней мучилась, что не успела передать ему теплое белье. Бедная мама не предполагала, что уже тогда отцу ничего не нужно было!

Началась наша жизнь без отца. На попечении мамы, женщины без образования и специальности, остались 80-летний дедушка, брат, еще школьник, и я, ученица 4-го класса (старшая сестра была замужем). Попыталась мама устроиться в типографию, где когда-то проработала год в переплетном цехе и где отец много лет служил до ареста, не

приняли, устроилась посудницей в столовой, а затем чернорабочей на консервном заводе.

Я очень тосковала по отцу, доброму, мягкому, веселому. Сколько слез я пролила над его балалайкой, на которой он наигрывал осетинские мелодии, подпевая голосом. Как много интересного он знал! Он первый мне рассказал о «необыкновенном человеке, вожде, друге Ленина» Сталине. Это под влиянием его рассказов я начала фанатично любить Сталина. Как я завидовала своей сверстнице Мамлакат Наханговой, которая обнимала Сталина! Я рыдала от счастья, когда 1 мая 1948 года, проходя в колонне демонстрантов МГУ мимо Мавзолея, сподобилась лицезреть Его! И ведь не только я. В нашей колонне шли фронтовики, и у многих были слезы на глазах.

Страсть к чтению мне тоже привил отец. Он очень любил детей, увлекался переводом детских книг с русского на осетинский. Помню одну – «Рикки-Тикки-Тави» Киплинга. (Несколько лет назад мне попалась эта книга на осетинском, но, увы, фамилия переводчика не указана).

И начиная с 1938 года, я все писала и писала письма.

Сначала «любимому Сталину», затем Берия. Я писала о том, какой у меня хороший отец, какой верный ленинец и какая чудовищная ошибка его арест. Все без ответа.

Только однажды, в 1940 году, меня вызвали в НКВД, и военный, держа в руках конверт (видимо, мое письмо), настойчиво допытывался, откуда я знаю, что Берия надо писать на площадь Дзержинского. Затем он сказал: «Твой отец – враг народа. Он сослан на 10 лет без права переписки». Наивные, мы стали ждать конца этих 10-ти лет!

В 1947 г. уже в Москве, на той самой площади Дзержинского, в ответ на запрос о судьбе отца мне сказали, что он умер в лагере в 1942 году. Сестре же моей через несколько лет выдали свидетельство о смерти,

где указано, что умер отец от крупозного воспаления легких 23 декабря 1943 года.

Чему верить? Ничему! Все это была ложь! Теперь-то мы знаем, что «10 лет без права переписки» – это расстрел. Но даже в 1955 г. Верховный суд СОАССР, выдавая справку, уклончиво написал, что дело отца, «осужденного бывшей тройкой НКВД СОАССР, производством прекращено...». «Осужденного» на что? Неизвестно!

Много лет прошло с 1937 года. Отец мой 1892 г. рождения, едва ли он был бы жив. Может, кому-нибудь покажется, что не стоит ворошить прошлое. Так много мы знаем о том времени, столько написано, уже и «Архипелаг ГУЛАГ» прочли. Но чем старше я становилась, тем сильнее мною овладевало желание узнать все-таки наконец правду о моем отце, о его судьбе.

И вот гласность!

В 1989 г. КГБ СОАССР мне сообщил (правда, пока осторожно, устно!), что по решению бывшей тройки НКВД от 7 декабря 1937 г. отец мой расстрелян. Ему инкриминировалось: «был членом контрреволюционной, буржуазно-националистической, шпионской, повстанческой организации; вел контрреволюционную пропаганду и шпионско-разведывательную работу в пользу фашистской Германии». Вот так! Ни больше, ни меньше! Классический набор всех мыслимых ярлыков!

Когда на Первом съезде народных депутатов при утверждении в должности Председатель КГБ и один из заместителей Генерального прокурора на вопросы депутатов ответили, что бывшие репрессированные и их ближайшие родственники могут ознакомиться с уголовными делами, я опять начала писать...

И вот я листаю эту пожелтевшую папку: ордер на арест, опись изъятых вещей, анкета (о состоянии отца говорит одна деталь:

перечисляя детей, папа забыл мой возраст: написано 13 лет вместо 11), протоколы допросов, обвинительное заключение, решение тройки, справка о приведении приговора в исполнение 10 декабря 1937 г. В 20 час...

Неужели прошло более 50-ти лет с тех пор? Почему же тогда так сжало в груди, почему так подкашивались ноги, когда я вышла из Главной военной прокуратуры? А может, искренни те, кто говорит, что не поощряет ознакомление с уголовными делами только из сочувствия, оберегая родственников от потрясений?

Вместе с отцовским – дела еще восьми «преступников», якобы членов какой-то «Народной партии», которые расстреляны тоже 10 декабря.

Обвинительное заключение составлено В. А. Боярским, известным всей стране палачом, которого «за давностью совершенных преступлений» уже судить-то нельзя.

На фоне тех злодейств, которые числятся за ним, дело моего отца и его восьми «однодельцев» – капля в море. Ведь даже в списке тех, которых тройка приговорила в один только день, мой отец был во второй сотне. И если у него был «криминал» – связь с братом, с 1912 года жившим в Германии, то у остальных наверняка и этого не было.

В качестве вещественного доказательства в деле подшиты письма Евгения к отцу. После чтения их абсурдным кажется предъявленное отцу обвинение, что он сообщал брату сведения о типографиях в Орджоникидзе и их адреса. Ведь из писем видно, что Евгений был прекрасно осведомлен о типографских делах во всем мире, а не только в Осетии.

Я попросила вернуть мне письма. Этого сделать нельзя, пока не завершится дело Боярского, поэтому мне выдали ксерокопии их.

Вновь и вновь перечитываю письма. И передо мной встает образ дяди, человека умного, делового, образованного. С первых его писем и до последнего, написанного в 1968 году ощущается любовь к Осетии. И вспоминаю я все, что было о известно о дяде в семье.

Совсем юным он уехал из селения Дзивгис, где родился, поступил наборщиком в типографию Владикавказа. В 1908 году он перебрался в Петербург, где работал и одновременно учился. Но в 1912 году за участие в беспорядках его арестовали, а освободив, лишили права жительства в центральных губерниях России. Тогда Евгений выехал в Германию.

На время мировой войны, революции, гражданской войны связь с Евгением была прервана. Переписка возобновилась в начале 20-х годов. К этому времени Евгений уже прочно обосновался в Берлине. Он работал вначале наборщиком в небольшой частной типографии. Влюбился и вскоре женился на дочери владельца типографии Фриде. Когда после смерти тестя Евгений стал владельцем этой типографии, то он начал издавать осетинскую литературу и в первую очередь Коста Хетагурова, которым он восхищался со школьных лет в Дзивгисе, с тех пор как в его руки впервые попал «Ирон Фандыр», ставший для него путеводной звездой. Невозможно и сегодня без волнения читать слова, которыми он сопроводил изданный им в 1922 году «Ирон Фандыр»: «...говорю Коста: «Да святится имя твое! Вся Осетия благодарна тебе!» Книге его – «счастливого пути в родную Осетию». (Евгений и единственному сыну, родившемуся в 1924 г., дал имя любимого поэта и называл его Коста, не Костя).

Все дела по распространению своих изданий в Осетии Евгений поручал брату, «моему доверенному лицу», как называл он отца в служебных письмах. Помню «Ирон Фандыр», «Вильгельм Телль» Шиллера, сборник осетинских рассказов и анекдотов, открытки с фотографией Коста, которые были у нас и после ареста отца. Куда подевались – не знаю. Что-то в гневе рвала мама, так как считала дядю

виновником ареста отца: ведь во время обыска забрали то, на чем были надписи на немецком.

Рассудительный, целеустремленный, сам очень организованный, Евгений не терпел расхлябанности, несобранности, транжирства. Экономность и расчетливость его иногда воспринимались родными как скупость, хотя в голодные 20-е годы он много помогал семье.

Конечно, то, что Евгений с ранних лет жил самостоятельно и ему не на кого было надеяться, кроме себя, накладывало отпечаток и на характер, и на поведение его. Младшие же братья и взрослыми жили как бы под его опекой. Отсюда, видимо, и поучающий тон его писем моему отцу. Евгения явно раздражала неуверенность брата в себе, в своих способностях. И из письма в письмо он поучает моего отца, как держать себя, как лучше организовать работу, пытается внушить ему, что те, с кем Евгений сталкивается, ничуть не больше отца разбираются в типографском деле.

Больше всего Евгения волновала судьба самого младшего брата Эльбруса. Он хотел сделать из брата «практического работника» и считал Германию, где труд «возведен в организованный культ» и где «в особенности широко поставлено промышленное и коммерческое образование», наиболее подходящей для этого страной. «При трудолюбии здесь можно по этой части сделать в один год больше, чем у нас за много, много лет, и сделать хорошо», – писал Евгений в отдел народного образования во Владикавказ, добиваясь для Эльбруса визы на выезд.

Разрешение было получено, и в 1922 году Эльбрус приехал в Берлин, где вопреки планам Евгения, поступил в художественно-ремесленное училище, а затем на графический факультет Высшей художественной школы.

Окончив успешно школу, Эльбрус в конце 1927 года вернулся в СССР и начал работать в Москве.

Репрессии 30-х годов не обошли и Эльбруса. Только случайно он остался жив. Эльбрус попал в страшную машину в «удачное» время: незадолго до снятия Ежова и прихода Берии, который «исправлял перегибы» своего предшественника.

Только 6 месяцев пробыл Эльбрус на Лубянке. Но вместо молодого, энергичного, красивого тридцатидвухлетнего мужчины домой вернулся старик с одутловатым мучнисто-бледным лицом, обросший длинной бородой, с отеками ногами, выбитыми зубами, потухшими страдальческими глазами. Все тело его было покрыто рубцами и кровоподтеками.

Много лет Эльбрус молчал о подробностях своего заключения. Только незадолго до смерти (умер Эльбрус в 1981 г.) чувствуя её приближение, он написал горькую исповедь о тех страшных месяцах.

Долгие годы мы ничего не знали о Евгении.

После 1945 года Эльбрус делал попытки что-то выяснить о брате. Это было сложно, так как район, где жил Евгений, находился в Западном Берлине. Наконец в 1967 году удалось через Красный Крест узнать его адрес. Эльбрус написал брату. Вскоре пришел ответ Евгения. Письмо длинное, неровные строчки, видно, что писалось дрожащей рукой. Но рассуждения были логичны, здравы. Родной язык он еще помнил: к месту были вставлены осетинские слова. Он писал о том, что жена его Фрида, умерла от рака, Коста оказался плохим сыном: он влез в долги разорил Евгения, бросил его. «И теперь я нищенствую», – писал Евгений. Он просил Эльбруса помочь ему: переслать валюту. «Те, у кого нет накоплений, здесь считаются нищими». Что мог послать ему Эльбрус? Правда какие-то попытки он делал, чтобы перевести рубли на марки, но ничего у него не вышло. Мне кажется, что Евгений, помня о

том, как много он сделал, чтобы брат получил образование в Германии, обиделся, заподозрив Эльбруса в нежелании помочь ему. Евгений просто переоценивал возможности брата. Сохранились и два последних письма Евгения Эльбрусу, полные печали и горечи. И даже в последнем письме он, старый, больной, беспокоился о судьбе сохранившихся у него осетинских книг!

...В 1991 году я получила наконец из КГБ Осетии обстоятельные ответы на все мои вопросы. Выдали мне и «Свидетельство о смерти», где впервые указана точная дата смерти отца – 10 декабря 1937 года – и истинная причина смерти: расстрелян, а не лживое «крупозное воспаление легких». Место захоронения неизвестно.

Проведенная Главной военной прокуратурой проверка уголовного дела по обвинению группы лиц (и в их числе – моего отца) показала, что в Северной Осетии никогда не было буржуазно-националистической повстанческой организации, не было никакой «Народной партии», а дело было сфабриковано боярскими и их начальниками, многие из которых сами отправились вслед за своими жертвами.

А Боярский жив! Против него несколько лет назад возбуждено уголовное дело, но «состояние здоровья исключает возможность выполнения следственных действий с его участием». Вот так!

...Мне стало трудно нести в себе боль, и я пишу обо всем в надежде, что кто-нибудь помянет добрым словом братьев, чья судьба сложилась так трагически...

ЛОМОТЬ ЧУРЕКА

Лет в 5-6 у меня с отцом была игра. В хорошую погоду ко времени возвращения отца с работы я всегда была на улице. Как только отец показывался из-за угла, я бежала навстречу, повисала на его шее, и на руках он приносил меня домой.

Однажды, ожидая отца, я играла в «классики». По улице медленно ехал фургон. Возчик шел рядом с лошастью. От фургона исходил запах свежего чурека, который везли в хлебный магазин недалеко от нашего дома. Утром мы по карточкам получали этот уже окаменевший чурек.

Когда фургон поравнялся со мной, открылась вдруг задняя дверца. От тряски один из лотков съехал, и ломоть чурека вывалился на землю. Я подняла горячий кусок, подбежала к возчику: «Дядя, дядя, дверца открылась!». Он остановил лошадь, молча обогнул фургон, закрыл дверцу. Я держала нестерпимо обжигающий большой кусок пахучего чурека, ожидая, когда его заберут. Возчик посмотрел на меня, махнул рукой и так же молча пошел к лошади.

Фургон отъехал. А я растерянно стояла посреди улицы, ничего не понимая.

Подошел высокий мужчина, взял у меня из рук чурек: «Девочка, дай его мне, тебе же горячо держать!».

Возвращавшийся с работы отец заспешил, увидев издали рядом со мной незнакомого человека. Но пока отец подошел, и я рассказала обо всем, мужчины и след простыл.

– Эх ты, глупенькая, – сказал отец, – ведь это возчик насовсем оставил!

Я смотрела на свои пустые покрасневшие руки, еще ощущавшие тяжесть горячего чурека, и только тут я наконец поняла, что потеряла.

Отец и в этот день внес меня в дом на руках, но горько плачущую.

КУКУРУЗНОЕ БОГАТСТВО

Это было в один из голодных 30-х годов. Сотрудникам типографии, где работали родители, предложили в свободное время обрабатывать поля пригородного опытного хозяйства, обещая осенью расплатиться урожаем. Многие отнеслись к этому недоверчиво. Мои же родители в течение всего года каждый выходной ездили в поле, прихватывая иногда и старших детей. И вот в теплый осенний день к нашим воротам подъехала бричка, доверху наполненная белыми и желтыми початками кукурузы. А рядом – отец и мать, сияющие, гордые: все это наше, заработанное!

Весь двор сбежался посмотреть на чудо. Кто-то помогает разгружать кукурузу, кто-то дает советы, где лучше хранить её. А меня послали за дедушкой, который со своими неизменными друзьями сидел, как обычно, на ступеньке заколоченной двери магазина.

– Скорей иди домой, бабу! – закричала я дедушке. – Там такое привезли!

Когда, запыхавшись, дедушка вошел во двор, увидел кукурузу, видимо, ноги у него подкосились. Он присел на скамью, смотрел на радостную возню вокруг брички, а по щекам его текли слезы.

– А я ведь видел, как проехала бричка, – сказал дедушка, – и еще подумал: кто же этот богом избранный счастливец, в чей дом войдет такое богатство?

Началась счастливая пора. Ни разу больше не ели мы противных лепешек из барды. А сколько вкусностей можно приготовить из кукурузы! Каждый день мама пекла чуреки, варила кашу, «дзарна». А мы с дедушкой жарили «цакута», и я радостно угощала всех дворовых детей.

Эта зима вспоминается как самая сытная из моего детства.

ЗА КАРТОШКОЙ

Как-то отец сообщил, что некоторые сослуживцы ходят на убранные картофельные поля и выгребают оставшиеся картофелины.

Решил пойти и отец. Мама отговаривала его: «В таких делах тебе не везет, не ходи». Отец настаивал на своем, и в выходной день, рано утром, прихватив 12-летнего сына, он отправился попытать счастья. Рюкзака у нас не было, чумалы негодились, и отец уговорил маму дать ему белый полотняный мешочек, в котором вываривали белье.

Уже стемнело, когда отец и брат вернулись, усталые, угрюмые и... пустые. Брат тут же уснул, а отец долго наигрывал на балалайке, затем с горечью рассказал, как целый день они проползали по полю, выискивали клубни. Несколько раз мимо проезжал на коне сторож. Вначале отец перепугался, но сторож поощрительно улыбался, и отец воспринял это как знак разрешения, подумав, что он просто добрый человек. Наконец мешочек был полон, наполнена и сумка брата. Довольные, отец и брат вышли на дорогу, направляясь домой. И тут опять подъехал сторож, но уже без улыбки.

– Оставьте картошку и идите, – сказал он. – И еще спасибо скажите, что я вас отпускаю.

Униженным, обманутым почувствовал себя отец, но что он мог сделать?

А мама все не могла успокоиться:

– Не послушался меня! И какой мешочек загубил!

ДЕДУШКА

Люблю рассматривать старинную фотографию моего дедушки. Помню-то я его в преклонном возрасте, когда ему было за 80 и он уже старейшина Владимирской слободки.

Почти ежедневно его звали на всякие торжества. Та свадьба не свадьба, поминки не поминки, если во главе стола не сидел мой дедушка. Приглашали его и при разрешении фамильных конфликтов, примиряя враждующих. Как теперь понимаю, это было связано не только с возрастом. Он был мудр.

А на фото 1925 года дедушка еще бодр, полон сил. Какое благородство, достоинство в лице, повороте головы! Князь! Вот только руки – заскорузлые руки труженика – выдают происхождение. Да присмотревшись, замечаешь обтрепанные рукава черкески, которую, сколько я помню, он носил постоянно, как и ножны кинжала, внутри которого давно уже был деревянный клинок вместо стального.

Безусловно, дедушка обладал природным умом, что и позволило ему ради детей бросить насиженное место в горах Куртатинского ущелья, где была только трехклассная школа, и переселиться в город. Терять-то особенно и нечего было, разве что саклю, прилепленную к скале. Отец рассказывал мне, что зимой скала покрывалась инеем, и все дети ложились вокруг очага – единственного места, где можно было согреться. Но в городе и такой сакли не было, и несколько лет семье пришлось ютиться по чужим углам. Зато у сыновей (обе дочери вскоре вышли замуж) появилась возможность встать на ноги.

Старший, Евгений, давно жил самостоятельно, вначале во Владикавказе, затем в Петербурге, а в 1912 году выехал в Германию и обосновался в Берлине.

Мой отец, Кирилл, был вторым сыном. Сразу после приезда во Владикавказ он поступил рассыльным в мануфактурный магазин, к

началу революции дослужился до приказчика. После революции отец под влиянием Евгения пошел работать в типографию. Начинал он наборщиком, а к моменту ареста в 1937 году был корректором типографии.

Третий сын, Николай, обучился ремеслу и всю жизнь сапожничал.

Четвертый – Занчора, прожил недолго. Во время гражданской войны в возрасте 17 лет он погиб от случайной пули, когда просто шел по улице.

И, наконец, самый младший – Эльбрус. Он постоянно находился под присмотром Евгения, который мечтал дать способному младшему брату хорошее образование и профессию.

Дедушка давал сыновьям полную свободу, никогда не навязывал им своей воли, что редкость в такой патриархальной семье. Да и что, кроме свободы, мог он им дать, хотя всю свою жизнь трудился? Мама рассказывала, что зимой дедушка каждый день ездил на старой лошаденке в лес, возвращаясь, завозил дрова на базар. Вырученных денег едва хватало на покупку муки, крупы. Бабушка моя умерла, когда деду не было еще 70-ти лет. Он даже вознамерился жениться вторично, на что просил разрешения у старших сыновей. Отец мой не возражал, когда же написали об этом Евгению, то пришел ответ: «Нечего людей потешать, не тот возраст!» Дедушка, говорят, обиделся, но сделать что-то вопреки воле Евгения считалось таким кощунством, что и помыслить было невозможно.

И дедушка, и мой отец, и Эльбрус, с которым я дружила до самой его смерти и очень любила его (Николая я знала мало: он жил особняком), были более открытыми, веселыми, увлекающимися, чем Евгений.

Со мной у дедушки были особые отношения: ведь без меня ему трудно было объясняться с мамой, голос которой, по осетинскому обычаю, он не должен был слышать.

Имя мое дедушка не мог выговорить, у него получалось что-то вроде Зиши. Всех это смешило, его самого тоже.

После ареста моего отца дедушка очень изменился: ссутулился, стал молчаливым. Он не хотел никуда от нас уходить даже ненадолго, хотя видел, как трудно маме содержать семью.

Иногда дочь почти насильно забирала его к себе в село. Самое большее – он выдерживал там два дня. На третий, никому ничего не сказав, палку на плечо, пешком 8 км – и вот он, мой бабпу, стучит в дверь!

– Зиши, я убежал! Пусть теперь ищут меня! Посмотри, что я тебе принес.

Он развязывал носовой платок, узлом привязанный к концу палки, и доставал гостинцы: конфеты, яблоко, грушу – и радостно следил, как я уплетаю все это. Потом обнимал меня и надолго замолкал.

О чем он думал?

О прошедшей жизни, о приближающейся смерти?

О сыновьях, разбросанных по свету?

От Евгения уже несколько лет нет никаких вестей.

Два года, как арестовали Кирилла, самого мягкого, доброго из сыновей. За что?

Вот и Эльбрус, живущий в Москве, замолчал. Может, и с ним что-нибудь страшное случилось?

Один Николай недалеко, так он что есть, что его нет. Отца своего стыдится и избегает, ни с кем из родных не общается.

Рядом с дедушкой притихала и я. Мы подолгу сидели обнявшись, и я ощущала в дедушке частичку отца, по которому так тосковала!

...Я была дома одна, когда ворвались соседские мальчишки с криком:

– Там твоего дедушку задавили!

Я побежала за угол, где обычно на ступеньках сидели старики. Теперь около ступенек стояла группа людей, обсуждая случившееся.

По узкой дороге ехал грузовик. Неожиданно на проезжую часть выбежали, держась за руки, двое детей. Избегая наезда, шофер въехал на тротуар, сбил женщину. Видимо, растерявшись, шофер круто повернул руль – прямо к трем сидевшим старикам. Двое были помоложе – смогли отскочить, а дедушка, опираясь на палку, пытался подняться, но машина вдавила его в стену.

Когда я прибежала, «скорая» уже увезла и женщину, и дедушку. На асфальте алели пятна крови, у стены валялись обломки дедушкиного посоха.

Я подобрала обе половинки такой знакомой дедушкиной палки, и прижав их к груди, давясь слезами, побрела на работу к маме.

Пошли мы с ней в больницу. Мама осталась в дверях палаты, а я подошла к дедушке, взяла его руку. Он был в сознании.

– Бабпу, это я.

– С кем же ты пришла?

– С мамой.

– Где она? Пусть подойдет, – с трудом сказал дедушка и попытался открыть глаза.

Я передала маме его просьбу. Она сделала шаг, потом остановилась:

– Что же я пойду? Мы никогда не разговаривали, как же я...

Вернувшись к дедушке, я соврала:

– Маму не пускают в палату.

– Почему не пускают? Ведь кормилица моя – она, опора моя – она... – бормотал дедушка, уже теряя сознание.

Это были последние слова его. Ночью дедушка умер.

А мама до конца дней казнилась, что не выполнила волю умирающего – не подошла к дедушке, боясь нарушить традицию. В тот момент мама забыла, что уже однажды она переступила через обычай: в ночь, когда арестовали мужа, она при свекре громко плакала причитая:

– О, разрушился наш очаг!

ПОХИЩЕНИЕ

Несколько лет перед войной мама посылала меня в каникулы «на молоко» к своей младшей сестре в село, где до замужества жила и моя мама. В селе было много родственников, знакомых. Я любила ходить с тетей в гости, и не было случая, чтоб, узнав, чья я дочь, меня не спросили: «А у мамы твоей все такая же длинная коса?». Оказывается, длинной косой да еще трудолюбием была известна моя мама.

...Как-то к дому подъехала арба. Мужчина, сидевший в ней, постучал плеткой по воротам и скрипучим голосом крикнул:

– Эй, хозяйева!

Вышла тетя и пригласила его в дом.

Он не понравился мне: щуплый, небритый, мрачный. А когда гость слез с арбы, то я увидела, что он еще и сильно хромает. Он вошел в дом, посидел немного, выпил стопку араки, о чем-то говорил с тетей.

– Знаешь, кто это был? – спросила тетя, когда он уехал, и поведала мне удивительную историю. (Мама же только незадолго до смерти решилась рассказать это).

Тетя была еще девочкой, когда однажды ночью кто-то постучал к ним и женский голос попросил открыть дверь. Когда же дверь открыли, в комнату ворвались несколько человек, скрутили пожилого отца, отбросили мать, схватили старшую сестру и ускакали.

Пока все опомнились, позвали соседей, рассвело. Среди близких родственников молодых мужчин, которые тут же помчались бы в погоню, не было. Соседи готовы были отправиться на поиски, но куда? Похищение девушки в те годы не было редкостью. Обычно это делали после неудачного сватовства, если родственники или сама девушка отказывали жениху. А тут никто не сватался, и вдруг похитили!

Через неделю девушку нашли в отдаленном селе, и тут только выяснилось, кто её украл: парень, который жил на одной улице с ней. Он был настолько уверен, что за него никто не пойдет, что и свататься не стал. Наметил же он себе в жены мою маму, как самую работающую из

сестер. Сам же он в ночной «операции» не участвовал, а пригласил людей из другого села: боялся, что односельчане откажутся. Через соседку он узнал, кто где спит. Обычно две старшие сестры спали вместе, а младшая – со своей матерью.

И надо же было, чтобы именно в эту ночь мама уговорила младшую сестру поменяться местами.

Похитители маму мою в лицо не знали, да и темно было, их предупредили только, что из спящих на угловой кровати надо уносить ту, у которой длинные волосы. Они и схватили старшую мамину сестру: у неё волосы были длиннее, чем у лежащей рядом младшей.

Когда ошибка обнаружилась, было уже поздно...

Старикам-родителям ничего не оставалось как смириться. Если бы даже они отобрали дочь, никто после похищения на ней бы не женился.

Так тетя и прожила с немилым человеком. Он еще оказался и скупым, жадным, жестоким. Хозяйство большое, работы в доме много, а тетя, болезненная, хрупкая, из трех сестер была самая непривычная к тяжелому труду. Детей у них не было, и тетя зачахла от безрадостной, тяжелой жизни. Когда же она слегла и не могла больше заниматься хозяйством, муж привел в дом другую женщину, здоровую, сильную.

Я была ошеломлена не столько рассказом тети, как представив себе, что эта доля предназначалась моей маме.

Когда тетя пошутила: «Этот человек мог быть твоим отцом», – я пришла в ужас. Как, вместо моего красивого, мягкого, деликатного отца, этот противный сморщенный старик?

Какое счастье, что этого не случилось!

БЕЛЫЕ РУБАШКИ

Мне всегда хотелось научиться стрелять. И когда однажды в нашу школу пришли шефы, курсанты пехотного училища, расположенного на окраине города, и предложили записываться в кружки, я без колебаний выбрала стрелковый.

Собрали «стрелков» из всех классов на первое занятие. Оказалось, что в кружке – только мальчики. Я подошла уже к курсанту, чтобы отпроситься, – не буду же я одна заниматься с мальчишками – когда в класс вошел Он, Костя, причина моих тайных мучений и страданий.

Он был самый видный, самый красивый, как мне казалось, мальчик в школе. Учился он в восьмом, нравился многим девочкам класса, и конечно, мне, шестикласснице, не пробиться сквозь их строй. Только издали на переменах я украдкой посматривала на него. И вдруг такое счастье: мы в кружке, где только одна девочка – я, и может быть, он обратит на меня внимание!

Занятия кружка были по воскресеньям. Всю неделю я жила ожиданием этого дня, продумывая, как «случайно» я стану рядом с ним, и мы вместе будем разбирать и собирать мелкокалиберную винтовку. Но ни разу мне это не удалось: на все занятия он опаздывал и пристраивался к кому-нибудь из мальчиков.

Через несколько воскресений, в морозный солнечный день мы вышли во двор школы, разостлали на снегу маты, руководитель закрепил мишени, роздал нам по три патрона, и мы начали стрелять.

Я ждала своей очереди и мечтала: я попаду все три раза в десятку. Костя посмотрит на меня, улыбнется, а может, и подойдет.

И вот я стреляю. Руководитель подошел к мишени и объявил: «Девятка, семерка, восьмерка!». Это лучший результат!

Курсант хвалит меня, мальчики окружили, удивленно смотрят. А Костя... в сторонке старательно счищает снег с брюк... Я не выдержала, расплакалась – все подумали от радости – и убежала домой.

Потом, как водится, начались соревнования между школами района, города. И хоть от нашей школы мы участвовали вдвоем с Костей, по-прежнему он не замечал меня.

Как-то вызвала меня завуч и повела в военный кабинет. Там уже был Костя. Мы стали рядом, дали нам в руки винтовки, и какой-то корреспондент из Москвы сфотографировал нас.

В феврале 1940 года наша фотография появилась в газете «Пионерская правда» с подписью «Учащиеся школы №... (наши фамилии) готовятся к республиканским стрелковым соревнованиям». Вскоре и в местной газете напечатали эту фотографию. И потекли в школу письма. Откуда только не писали! Из Казахстана и Белоруссии, из Иванова и Тюмени, из детского дома на Украине. Писали мальчики и девочки, которые хотели дружить с нами. Многие присылали свои рисунки, вышивки. Для меня же каждое письмо – повод подойти к Косте, подойти на перемене открыто: ведь все в школе знали, что нас связывает.

Летом один из писавших, мальчик девяти лет, приехал с мамой погостить к нам. Тут уж я совсем осмелела: звала Костю к себе.

Он приходил всегда наглаженный, в неизменной белой рубашке с аккуратно закатанными чуть выше локтя рукавами (так было модно в те годы). Единственный ребенок в семье, обожаемый родителями и незамужней тетей, он всегда был ухожен, хорошо одет.

Костя играл с мальчиком в шахматы, а я сидела рядом, боясь пошевелиться, чувствуя, что лицо мое пылает, и не зная, куда деть руки, сплетала в косички бахрому скатерти.

Жил Костя на соседней улице, а родители его были из одного села с моей мамой. И то, и другое отравляло мне жизнь. Возвращаясь с огорода, с тяпками, лопатами, корзинами, мы должны были пройти мимо их дома, и мама часто останавливалась поговорить с односельчанами. Я же всегда была в страхе, что он может увидеть меня в таком неприглядном виде.

А однажды произошло такое, после чего я до конца лета избегала встреч с Костей, хотя при виде каждой белой рубашки ёкало сердце – Он!

...С утра я пошла за керосином. Керосина в ларьке еще не было. Очередь растянулась на целый квартал. Номера записывали химическим карандашом на ладони и мелом на посуде для керосина. Привезли керосин только к вечеру. Люди, измученные долгим стоянием на жаре, обозленные, вступили в драку с пролезающими без очереди. Кое-как я выбралась из этой свалки с бидоном, полным керосина. При выходе меня толкнули, керосин расплескался мне на ноги.

И вот такой – растрепанной, с номером очереди на руке, с подолом, забрызганным керосином – я встретила Костю. Нарядный, улыбающийся, под руку с тетей он шел в театр. Лучше бы мне провалиться сквозь землю!

Начался новый учебный год, и летние переживания немного сгладились. Два увлечения было в этот год в нашей школе: повальное стремление к «родству» – игра в названные братья и сестры – и драмкружок. «Режиссеры-постановщики» были свои же ребята. Я участвовала во всех спектаклях.

Появился и у меня названный брат, и я была горда этим. Правда, вскоре выяснилось, что я была лишь предлогом: ему нравилась моя подруга, которой он поручил главную роль в пьесе, хотя она, беленькая, пухленькая, по моему представлению, никак не подходила для роли горянки.

В эту же зиму я часто выступала по городскому радио в передачах для детей (иногда с настоящими артистами), читала стихи на многочисленных конкурсах, олимпиадах. Все это мне очень нравилось.

С Костей же у меня за этот год установились странные отношения. Он подходил ко мне сам, мы обменивались книгами, обсуждали их. Иногда он заходил ко мне домой за книгами, которые я выпрашивала у соседки и отдавала ему, не всегда успевая даже дочитать. Но относился он ко мне немного свысока. Помню, очень неодобрительно воспринял,

что я, не посоветовавшись с ним, завела «брата». И хоть нравился он мне по-прежнему, но я смирилась с ролью опекаемой.

Однажды летом Костя пришел не днем, как всегда, а вечером и позвал меня погулять, чего раньше никогда не делал. У него был такой необычный вид, что я замерла: сегодня, вот сейчас, он скажет мне что-то важное, то самое, чего я так долго ждала. И он действительно начал говорить. О том, что я девчонка что надо, что он хорошо ко мне относится, он знает, что и я к нему равнодушна (я слушала, и все во мне ликовало – наконец-то!), но... я нравлюсь его близкому товарищу, который хочет со мной дружить, и он, Костя, как старший, как мой друг, советует мне с ним встречаться.

Я растерянно молчала. А он все говорил, говорил: «Он хороший мальчик, много читает, тебе будет интересно с ним. Я дал слово, что уговорю тебя, и, если не согласишься, значит, ты не считаешься со мной».

Он назвал товарища. Я знала Бориса. Раньше он учился в нашей школе, но умерли его родители, и Борис ушел в техникум. Мы здоровались, когда он приходил к дяде, жившему в соседнем со мной доме.

Я Согласилась. Согласилась дружить с Борисом, чтобы только доказать: ради Кости я готова на все. Но как мне было обидно!

На следующий день в 11 часов мы встретились с Борисом в конце проспекта. Он тоже был в белой рубашке с закатанными рукавами, но все было не то: и рубашка не такая белоснежная, и рукава не так подвернуты.

Молча мы пошли мимо сидящих по обе стороны бульвара и смотрящих только на нас. Дошли наконец до «Трека», вошли в парк. Там уже стали чувствовать себя немного раскованней.

Было очень жарко, хотелось пить, но я не решалась подойти к киоску с водой.

Потом мы катались на лодке по пруду в центре парка. И только тут Борис отважился передать мне кулечек с почти расплавленными,

слипшимися конфетами-подушечками, которые он целый день протаскал в руке. Я не знала, что с ними делать, и «забыла» раскисший пакетик в лодке.

С Борисом было на самом деле интересно, и проходили мы до пяти часов. Наконец я спохватилась, что мне влетит за долгое отсутствие, и заторопилась домой.

Опять мы шли по проспекту. Но что-то странное произошло за день: никто не сидел на бульваре, люди группами стояли под репродукторами и что-то бурно обсуждали.

А я, радуясь, что на нас никто не обращает внимания, лихорадочно придумывала, чем объяснить дома мое отсутствие в течение целого дня.

Подходя к моему дому, мы, не сговариваясь, сделали вид, что каждый идет сам по себе – я домой, он – к дяде.

И только войдя во двор, увидев взволнованных соседей, плачущую тетю, приехавшую из села, я узнала: война!

Страх охватил меня! Первая мысль – брат! Где Саша? В час он должен был читать стихи Лермонтова по радио. До сих пор его нет! Я выбежала на улицу. Борис стоял в группе мужчин, разговаривал с дядей. Увидев меня, он, уже не таясь, подошел ко мне. Узнав, что я иду искать Сашу, он не удивился, хотя знал, что брат намного старше меня, и пошел вместе со мной.

Мы встретили Сашу на мосту через Терек. Я бросилась к нему, прижалась. Он гладил меня по голове, успокаивал, рассказывая, что все передачи, кроме сообщений о войне, отменили. Когда я оторвалась от брата, Бориса рядом уже не было.

Я больше никогда не видела Бориса... Через несколько дней он ушел добровольцем на фронт и вскоре погиб.

А в конце года несколько старшеклассников нашей школы поступили в Ейское летнее училище. Среди них был и Костя.

Он написал мне три письма из Ейска. Письма хорошие, ласковые, совсем взрослые. Он писал, что вернется – и все у нас будет по-другому, просил не обижаться и простить его, не объясняя за что.

А я и не обижалась. Лишь бы был жив! Лишь бы вернулся!

Но он не вернулся. Не вернулся, как и Борис, как Ибрагим, Володя, как наш учитель физики, как мой родной брат и три двоюродных, как тысячи, миллионы чьих-то других братьев, сыновей, любимых.

Самолет Кости взорвался при взлете на аэродроме.

Мать его обезумела от горя. Я встретила её через несколько лет после войны. Она завела меня домой. Обнимала, плакала, показывала фотографии Кости, вырезки из газет, где мы с ним вместе, и все спрашивала: «Ты ведь любила его, да? Любила, любила, я знаю. Его нельзя было не любить!».

А потом вдруг ожесточилась и начала рассказывать, как к ней пришел выразить соболезнование товарищ Кости, тоже бывший ученик нашей школы, на глазах которого взорвался его самолет. «Зачем он пришел? Зачем он мне нужен? Он жив, а мой сын погиб, никто его не спас!». И столько было недоброго в её лице, что мне стало жутко.

Она звала меня заходить еще, но я не решилась. Я не была уверена, что как-нибудь и мне она не скажет: «Зачем ты мне нужна? Сына моего уже нет, а ты жива, замужем за другим».

НИКТО НЕ ЗАБЫТ!?

Я мечтала о Москве, как чеховские сестры. Мне тоже казалось, что в Москве будет другая, интересная, счастливая жизнь.

Отличный аттестат давал возможность поступить в любой вуз без экзаменов. Но для меня в общем-то не так важно было, куда поступить, лишь бы в Москве.

Мама возражала против моего отъезда, зная, что помогать мне не сможет. Я пожаловалась брату, находившемуся на фронте. И вот в середине августа 1944 г. мама получила письмо, в котором брат просил отпустить меня. «Война кончается, – писал он, – скоро я приеду, начну работать, и нам будет легче».

Скрепя сердцем мама согласилась.

Я отправила документы в Москву и стала ждать вызова.

Вот уже конец августа, начало сентября, а вызова все нет и нет. Каждый день я выбегала навстречу почтальону, иногда ходила сама на почту. Напрасно!

Наконец в середине сентября – письмо, написанное незнакомым почерком. Не обратив внимания на обратный адрес, радостная, я открыла конверт, и... «Вы, вероятно, получили уже официальное сообщение, что Саша 25 августа утонул.». Я не сразу поняла, что пишут о брате, моем родном, любимом, который после исчезновения отца был самым большим авторитетом для меня, которым я гордилась. Разница в возрасте – брат на шесть лет старше меня – не мешала нам дружить. Мы учились в одной школе, читали одни и те же книги, оба подрабатывали в радиокомитете, участвуя в литературных передачах для детей, оба увлекались театром: были в драмкружках (я в школе, он – в каком-то клубе). Когда брат разучивал роль, я сходила за партнершу. Он – Лжедмитрий, я – Марина, он – молодой цыган, я – Земфира. Сближала нас и общая отстраненность от всех после ареста отца. Брат, пожалуй, все переживал трагичнее. Чего стоило ему одно школьное собрание, на котором его исключили из комсомола за отказ отречься от отца, «врага

народа». Да и на Фронт его отправили санитаром, хотя он окончил институт.

...Я дочитала письмо, длинное, с какими-то неуместными, ненужными подробностями о переживаниях неизвестной женщины.

Нет! Этого не может быть! Ведь только несколько дней назад он писал, что скоро вернется! И как можно жить, если брата больше нет! Хотелось кричать: «Это неправда!».

Я с ужасом посмотрела на часы: вот-вот должна прийти с работы мама. Я схватила письмо, забежала к соседям. Давясь слезами, я затаилась, прислушиваясь к тому, что делает вернувшаяся мама: зажгла примус, готовит ужин, постучала соседям, не знают ли, где я...

Просидев у соседей до темноты, я твердо решила, что не буду говорить маме о письме. А вдруг это все-таки неправда!

Мама побранила меня за поздний приход, но, увидев мое лицо, встревожилась. Я сказала, что разболелся желудок. Не поев, легла.

Боже! Что это была за ночь! Мы с мамой лежали на одной кровати. Меня знобило, трясло. Мама не сомкнула глаз, беспокоясь обо мне, сменяя мне грелки. Не выдержав, я начинала плакать якобы от боли.

Настало наконец утро, и мама ушла на работу. А я опять к соседям, близким, добрым, много хорошего делавшим для нас. Еще одну такую ночь я уже не могла выдержать, и мы решили сказать все маме.

Опять я слушала, как пришла и возилась мама, как она пошла в сарай за дровами, собираясь затопить.

В окружении соседей я с плачем вошла в комнату, бросилась к маме. Она поняла сразу... Опустила руки... Поленья посыпались ей на ноги.

– О-о-о! Мой сынок! Мое солнышко!

Она рвала на себе волосы, царапала щеки, билась головой о стену... И не было сил удержать её.

На следующий день пришло письмо и от командира: «Нашу часть постигло горе. Мы похоронили Сашу 26 августа на Русском кладбище г.

Евпатория. Посылаем шесть рублей и две фотокарточки сестры, которые были у него в кармане...». Вот и все. Сомнений больше не было.

Приходили родственники, знакомые выразить соболезнования. Свой плач мама сопровождала причитаниями, рассказывая о своем горе, о письмах сына, обещая выполнить последнюю просьбу его: отправить меня учиться в Москву.

Мы с сестрой стояли рядом с мамой, вдруг я почувствовала, как одна из родственниц сунула мне что-то в карман и шепнула: «Это тебе на дорогу!». А потом кто-то еще... и еще кто-то. Деньги, которые обычно собирают на поминки, отдавали мне на поездку!

Стали собирать меня в дорогу. Знакомый сапожник стачал мне сапоги из двух пар дедушкиных. Из единственных брюк брата сшили юбку. Перелицевали пальто сестры для меня. Мама отдала свой вязаный платок, тетя – свитер.

В таком виде я появилась на филологическом факультете Московского университета.

...Жизнь так сложилась, что только через 26 лет я смогла поехать в Евпаторию. Я разыскала женщину, которая написала нам о Саше. Повела она меня на Русское кладбище, теперь уже закрытое. В конце, где хоронили военных, несколько едва заметных холмиков. На некоторых – деревянные памятники с красными звездочками. Все надписи стерлись. Под каким из этих бугорков мой брат – неизвестно...

Я положила цветы на все холмики...

А еще через 15 лет нам позвонили из военкомата: разыскивали Сашу, чтоб вручить орден Красной Звезды, которым брата наградили в декабре 1943 года.

МОЕ ПОКАЯНИЕ

В 1944 году я приехала учиться в Москву.

Замкнутая, вся зажатая, неуверенная в себе, плохо одетая даже для тех лет, я появилась в группе, где почти все были москвички. Молча сидела я на занятиях, тоскуя о доме, о погибшем брате. А после занятий – знаменитая Стромынка, с её пропахшими темными коридорами, крысами, комнатами на 6-12 человек, общими кухнями, где для того, чтобы пристроить кастрюлю на плиту, надо было занять очередь. Это потом уже стала Стромынка «домом родным», и сейчас вспоминается и много хорошего. Тогда же я готова была хоть пешком идти домой. Вдобавок еще в метро у меня вытащили из портфеля кошелек с деньгами, паспорт, продуктовые карточки почти на месяц.

Я была в отчаянии. Что делать? Не могла же я поделиться своим горем с этими самоуверенными, сытыми, как мне казалось, девушками, у которых и разговоры-то о катке, концерте Рихтера, выступлениях Яхонтова. Что им мои карточки?

И только с одной я поделилась. Она тоже была москвичка, хотя фамилия и имя её (Нателла) грузинские. Меня тянуло к этой красивой, с огромными глазами, ресницами-опахалами, нарядной девушке. Я замечала, что и она с теплотой посматривает на меня.

Нателла довольно сдержано посочувствовала мне. А вечером она приехала ко мне в общежитие с «гуманитарной помощью», как сказали бы теперь: двумя буханками хлеба, белой и черной, и карточкой до конца месяца.

После долгих уговоров Нателла согласилась выпить чашку чаю, отказавшись от второго куса хлеба. Я не настаивала, думая, что её ждет обильный ужин. Могла ли я предположить, что она так же голодна, как и я!

Вскоре Нателла пригласила меня в гости. Нас встретила её тетя, тут же усадила обедать. И хоть на обед был какой-то водянистый супчик и пшенная каша, но обставлен непривычно церемонно для меня: с

приборами, сменой тарелок. А посреди стола на тарелке, покрытой салфеткой, нарезанные по количеству сидящих кусочки хлеба. (Я заметила, как, став ко мне спиной, тетя отрезала от каждого кусочка, сооружая порцию для меня).

Так я попала в семью, которая вот уже 50 лет является для меня родной. А в первый раз мне было странновато: в доме один взрослый и пятеро детей, из которых только один называет её «мама», все остальные – Ляля.

Я стала часто бывать у них, а после зимней сессии почти переселилась, изредка навещаясь в общежитие. И тут я узнала о такой трагедии, перед которой померкло мое собственное горе.

Елена Соломоновна (Ляля), тетя моей подруги, исключена из партии, все её родственники репрессированы.

Нателла – дочь её старшей сестры, бывшей бакинской подпольщицы, арестованной через месяц после ареста мужа, члена правительства Грузии.

Ира и Шурик – дети младшей сестры Елены Соломоновны, отбывающей ссылку в Акмолинске как жена «врага народа», профессора Казанского университета. Ира и Шурик после ареста родителей жили с бабушкой в Баку. Во время войны бабушка умерла, дети остались одни, буквально беспризорничали. Елена Соломоновна с большим трудом достала через своего бывшего ученика, полярника Папанина, билет на самолет и привезла детей к себе.

Вова – сын второго мужа Елены Соломоновны, крупного экономиста, арестованного в 1937 году.

Наконец, собственный сын Елены Соломоновны от первого брака – Юра, отец которого тоже арестован.

В этой же квартире жили жена и дочь брата Елены Соломоновны, репрессированного в Одессе.

Мой отец, тоже был арестован в 1937 году. Но я была твердо уверена, что он ни в чем не виноват, что арестован он случайно, по

ошибке. А тут... Ну не может же быть столько случайностей... Значит, было какое-то основание... Я очень любила всю семью, но этот повальный арест меня настораживал.

Как-то Елена Соломоновна рассказала мне о «завещании» Ленина. Я не поверила. Я вся внутренне сжималась, когда неуважительно говорили о Сталине. Ведь я-то его боготворила. Совсем жутко мне становилось, когда, проходя мимо особняка Берии на углу Спиридоновки и Садового кольца, Нателла говорила почти вслух: «У, сволочь, отгородился высоким забором, наставил охранников!» И она рассказывала неправдоподобные истории о пьяных оргиях Берии, сохранившиеся в её памяти со времен, когда они в Грузии жили по соседству.

Елена Соломоновна, преподаватель политэкономии, исключенная из партии, да еще ратующая за «соблюдение ленинских норм», долго не удерживалась на одном месте. Удивительно, как вообще её оставили на свободе! А большую семью надо было кормить. И иногда хоть скромненькую посылку собирать сестре в Акмолинск.

Откуда в этой невысокой молодой (ей было около сорока, хотя мне в мои 18 лет она казалась пожилой) женщине было столько сил, энергии – уму непостижимо.

Помню огромный потрепанный портфель, с которым Елена Соломоновна не расставалась. Каждый вечер мы с нетерпением ждали её возвращения. Не было дня, чтобы портфель был пуст. Всякими правдами и неправдами Елена Соломоновна ухитрялась отоваривать карточки в каком-нибудь спецмагазине. Иногда ей удавалось брать хлеб на день вперед. Каждое утро начиналось с забот о том, кому уже пора вернуть занятые деньги, у кого перезанять, чтобы отоварить карточки.

Вовлечены были в эти комбинации и мы: продавали полагающийся по карточкам белый хлеб, чтобы купить побольше черного. Иногда в профкоме нам выдавали талоны на ситец, который мы тоже обменивали на хлеб.

При всем этом дом всегда был полон людей. Приятели, знакомые, знакомые знакомых и приятелей... И всех усаживали за стол, всех хоть чем-то кормили, поили чаем. И теперь уже я – у меня обнаружился самый точный глазомер! – разрезала хлеб по количеству едоков.

А сколько народу собиралось на дни рождения! Какой винегрет делали! И сколько! К празднествам начинали готовиться задолго. Все припасали подарки, экономя на чем-нибудь.

В 1947 году отменили карточки, жить стало легче.

Вернулась из ссылки Женя, мать Иры и Шурика. Она была такая красивая, обаятельная, что невозможно было представить её в тюремной обстановке. Находиться в Москве она не имела права. Пришлось снять угол в 150 километрах, но усидеть там Женя не могла. Она так стосковалась по детям, которых не видела долгие годы, по теплу и уюту дома, что, рискуя быть опять высланной, почти все время была в Москве. Мы выработали условный стук, и, если приходил кто-то незнакомый, Женя пряталась в платяной шкаф. Особенно страшились ночных звонков и стуков, но все обходилось.

А в 1949 году Женю опять сослали, теперь уже в Сибирь. В Сибири Женя прожила несколько лет, пока наконец окончательно она не вернулась в Москву.

В середине 50-х годов Елену Соломоновну восстановили в партии, дали квартиру, начала она работать по специальности. Все её питомцы получили специальности, кто лучше, кто хуже устроились в жизни. Тут бы и пожить ей немного спокойно.

Но... в 1965 году Елена Соломоновна погибла в автомобильной катастрофе.

Она гостила у меня за две недели до гибели. Была полна идей, планов, увлеченно рассказывала о своей работе, была вся в заботах о том, кого куда послать отдыхать.

Со смертью Елены Соломоновны ослабли связи между членами когда-то единой семьи. Из всех арестованных только Женя вернулась.

Где могилы остальных – неизвестно. Бесследно исчезла мать Нателлы. Об отце её известно, что он расстрелян после зверских избиений в присутствии и при участии Берии. Расстрелян муж Жени и два его брата. Расстреляны муж и брат Елены Соломоновны. Имена их сейчас упоминаются во многих статьях, посвященных жертвам «культы личности».

В каждый свой приезд в Москву я стараюсь побывать и у Жени. И не перестаю поражаться, как можно сохранить такую душевность, отзывчивость, не озлобиться, не разувериться в людях. А красива она по-прежнему, хоть ей за 80!

Я навсегда благодарна судьбе, сведшей меня с этой необыкновенной семьей. Часто задумываюсь: а какая бы я была сейчас, не будь в моей жизни этих замечательных людей?

И хочется мне запоздало покаяться за те давние мысли, когда я усомнилась в невинности близких моей Нателлы.

БЕЗ ВИНЫ ВИНОВАТЫЕ

В конце 40-х годов мужа моей тети, педагога по профессии, послали директором в школу села, где до 1944 года жили ингуши и куда (тоже насильно!) водворили осетин.

Поселили семью директора в пустующий дом (их было много) ближайший к школе в доме и остатки скромной мебели: кухонный шкафчик, низенький столик, два табурета. Примечательным был большой заросший фруктовый сад при доме: вишни, сливы, абрикосы, яблони.

К своему назначению дядя относился как к временному явлению, поэтому и обзаводиться ничем не хотелось. Купили только корову, развели кур, сажали зелень. Так они прожили несколько лет.

Однажды тетя вышла рано утром подоить корову. Посмотрев в сторону сада, она сквозь утреннюю дымку заметила силуэт человека, обнявшего дерево. Постояв немного, человек перешел к соседнему дереву и опять прижался к нему.

Тетя перепугалась, решила, что это сумасшедший. Она вбежала в дом, разбудила мужа. Вдвоем они подошли к мужчине в саду. Он оторвался от дерева, посмотрел на подошедших. Слезы катились по его щекам. Заметив тревогу тети и её мужа, он успокоил их:

– Не бойтесь, я не сошел с ума. Это мой дом, все деревья посадил я, и они снились мне долгие годы!

Мужчину пригласили в дом, тетя подала завтрак на низеньком столике. Он погладил столик:

– Я смастерил его сам.

Не обошлось, конечно, и без атаки. После выпитого напряжение спало, и гость рассказал подробности, тогда почти неизвестные, страшного пути и жизни на чужбине. Их везли, как скот, в товарных вагонах, почти без еды и воды. Большая часть стариков не доехала до места, а те, кто доехал, не выдержали сурового климата, отлучения от родных гнезд. Дети гибли от холода и недоедания.

Сейчас об этом уже много написано, а тогда тетя была потрясена и пересказывала мне все с ужасом.

Когда гость собрался уходить, дядя предложил ему остаться в своем старом доме, но он воскликнул:

– Нет, нет! Не вы ведь виноваты в том, что сделали с моим народом! Нам выделили место, дали ссуду, буду строить новый дом. Я пришел только посмотреть на свои деревья!

Никогда больше ингуш не появлялся в старом доме.

И раньше-то на чужом пепелище было неуютно, а после знакомства с хозяином дома стало совсем тяжело, поэтому семья тети вскоре уехала из этого села.

ПИСЬМА О ПРОШЕДШЕМ

Добрый день, Алексей!

Ты упрекнул меня, что я все позабыла. Напрасно. Могу устроить «вечер воспоминаний». Как говорится, «их есть у меня».

Как познакомились с тобой, точно не помню. Кажется, мы с Натой шли по стромыньскому коридору, и кудряво-лысоватый юноша пригласил нас сфотографироваться. Вы, как Ильф и Петров, работали в паре: он зазывал, ты фотографировал.

Дальше – провал.

А вот несколько дней помню до мельчайших подробностей.

Мы поехали с тобой за город. Накануне ты был там со своей группой будущих искусствоведов и захотел и меня приобщить к красотам Подмосковья. Долго ехали в переполненной электричке, прижатые друг к другу. Потом осматривали развалины. Было очень красиво: земля, усеянная золотисто-зелеными листьями, красные полуразрушенные стены церквей-монастырей, освещенные заходящим солнцем.

Ты был на подъеме, все мне рассказывал, объяснял. У меня были очень смутные представления об архитектуре, поэтому я была благодарной слушательницей.

Возвращались мы уже вечером. Почему-то никого, кроме нас, не было. Мы шли к станции, взявшись за руки, шурша листьями, и громко пели (пытались в два голоса): «Эх, дороги, пыль да туман...» Конец припева «и пули свистят» никак не могли взять – высоко – и хохотали.

Было тепло – я расстегнула пальто. Ты обратил внимание на мое платье. Платье действительно красивое: черное, в обтяжку, грудь вышита бисером. Оно очень мне шло. Ты так восторгался платьем, что, облизавшись, я призналась: оно не мое. Я одалживала его на торжественные выходы у одной из подруг. Платье привез ей отец из Германии. Ты опешил, покраснел, стал утешать меня, вытирал мне слезы.

Приехали мы в Москву поздно, но ты позвал меня в коктейль-холл в начале улицы Горького.

Это первый ресторан в моей жизни – я помню все мелочи. Пили мы коктейль «Дружеский», ели пирожные.

В полночь, опьяненные не так коктейлем, как днем проведенным вместе, добрались мы до Стромынки. Не хотелось идти в душные комнаты общежития. Мы сидели на каких-то бревнах во дворе, и ты впервые говорил об отношении ко мне. А потом мы еще долго стояли у окна в заветном закоулке на повороте коридора – постоянном месте всех влюбленных нашего общежития.

Хорошо помню и еще один день – день моего рождения. Отмечали, как всегда, у Наты. Все знали, что мечта моя – французская булка, разрезанная вдоль и намазанная сливочным маслом. Я даже во сне видела, как держу её двумя руками и ем, ем.

Когда гости собрались, Ната и её брат вручили мне две французские булки, намазанные маслом.

Сели за стол, когда ты пришел с пакетом. Развернули – там батон, точно так же разрезанный вдоль и намазанный маслом. Под общий хохот я смогла съесть только одну булку. Когда встали из-за стола, ты отозвал меня в сторонку и вручил второй подарок – медальон на медной цепочке. Помню каждое слово, сказанное тобой при этом: «Я знаю, у тебя будет много драгоценностей. Но никогда не выбрасывай этот медальон. Он будет всегда напоминать тебе обо мне».

Ты ошибся, Алеша, я не стала обладательницей драгоценностей. Первое кольцо мне подарили дети в 50 лет. А вот медальон у меня сохранился. Одно время его носила дочь, а сейчас он лежит в шкатулке, и я, действительно, всегда вспоминаю тебя.

Хорошо запомнился мне и более поздний эпизод.

Мы с Леной (помнишь её, конечно) собирались в наш «придворный» кинотеатр «Орион», когда ты зачем-то зашел к нам в комнату. Лена, как всегда, дурачилась, приставала к тебе. Я тоже смело

кокетничала, зная, что ты встречаешься с какой-то девушкой. Мы просили, чтоб ты написал нам что-нибудь ласковое к нашему возвращению. Расстилая постель, я обнаружила под подушкой твою записку с единственной фразой: «Не искушай меня без нужды!».

Я устыдилась – мое заигрывание было действительно «без нужды»: именно тогда я ходила в невестах блестящего капитана, слушателя артиллерийской академии (отсюда и твое представление, что я вышла замуж за военного).

К счастью, я вскоре обнаружила, что у жениха только два достоинства: воевал на Кавказе (орудие его стояло на крыше маисового комбината недалеко от моего родного города) и он не пропах стромынскими коридорами – от него всегда исходил аромат хорошего туалетного мыла.

А посему свадьба не состоялась, о чем я никогда не пожалела, хотя сложилось у меня не все благополучно.

Но это уже другая страница моей жизни, не имеющая отношения к тебе.

Ну, пожалуй, на сегодня хватит.

Всего тебе хорошего!

Приветы твоим домашним, если они знают обо мне.

P.S. Может, я что-то лишнее написала, о чем ты и помнить не хочешь, тогда извини.

Алексей!

Вчера отправила тебе описание нескольких (это еще не все, что я помню о нас!) кусочков давно прошедшего, а сегодня пришло твое письмо с фотографиями.

Было бы смешно, если б я сказала: «Ты совсем не изменился!». Столько лет прошло! Скажу иначе: «Ты узнаваем!». Ты с бокалом! Что-то отмечаете? Судя по изобилию на столе, голод, которым нас так пугают, еще не наступил.

Какое милое, моложавое лицо у твоей жены! Я очень рада твоему благополучию.

И особое спасибо за фотографию Кайсанбека. Не могу оторвать глаз от него. Какая трагедия, что он так рано умер.

Мне приятно, что ты так тепло пишешь о нем. Его давно нет, а и ты, и я ощущаем его влияние. (Твой интерес к Кавказу не от него ли?)

Знаешь, я ведь только недавно узнала, почему при эрудиции, уме Кайсанбека, он всегда старался быть в тени.

Как-то в поезде я разговорилась с попутчиком, однофамильцем Кайсанбека. Оказывается, родители Кайсанбека были раскулачены, сосланы в Сибирь, там погибли. А он бежал оттуда, скитался, где-то работал. Конечно, поступая учиться, он все это скрыл. Стала понятна его постоянная настороженность. Мне ничего этого не рассказывал, хотя относился ко мне по-родственному – земляки. А с тобой он делился? Ведь вы несколько лет прожили в одной комнате, дружили.

Разве я могу забыть, как мы (ты, Кайсанбек, Ната и я) пробивались на встречу с Симоновым? В каком восторге была огромная аудитория! А он, на вершине своей славы, высокий, красивый, «свой в доску», читал свои стихи о войне, о любви, отвечал на все записки, иногда бестактные, опять читал, пока не охрип и не взмолился отпустить его. Мы еле успели тогда на метро.

А вскоре мы ходили и на другую встречу. Обсуждался роман Эренбурга «Буря». Та же огромная аудитория, заполненная студентами-филологами, но расстояние – не только возрастное – между аудиторией и автором ощущалось очень. Роман многим не понравился, об этом резко говорили.

Эренбург слушал снисходительно, с высоты своих лет, знаний, опыта.

Для меня эти встречи были прикосновением к высокому, настоящему. Как и Большой зал консерватории с концертами Рихтера, Гилельса. Это уже на всю жизнь!

Навсегда запомнилось и потрясение от чтения Яхонтова. Я не помню, кроме «Графа Нулина», что он читал. Но как он читал!

После таких вечеров я всегда думала: «Какое счастье, что я в Москве!».

Вот только в общежитии были другие концерты. Ты не знаешь, почему так часто выступали у нас Лядова и Пантелеева? Может, они шефствовали над нашим клубом, как Малый театр над университетом?

А впрочем, мы ведь ждали субботу и воскресенье не из-за концертов, а из-за танцев. После которых все разбредались парами и до полуночи ходили по огромному квадрату стромыньских коридоров.

О, эти танцы под радиолу! Сколько народу набивалось! Половина ребят ведь не танцевала. Кто, не успев научиться, попал на войну, кто стеснялся своих ранений. На этаже у нас жил парень, который ни разу, по-моему, не пропустил танцы. Он был на двух костылях, сидел всегда в одном уголке. И столько тоски было в его глазах, что мне хотелось подойти к нему, постоять, поговорить, взять за руку.

Ну, о том, как ты спровоцировал Кайсанбека, тоже почти не танцевавшего, а вслед за ним и меня – на лезгинку, ты не можешь не помнить.

Объявили танцы на приз. Когда заиграли лезгинку, выскочили несколько пар и, размахивая руками, одинаково подскакивая – и ребята, и девушки, – стали «лезгинить».

Ребята с Кавказа не вступали в танец, лишь снисходительно улыбались, стоя в сторонке.

И вдруг ко мне подошел, как выяснилось потом, с твоей подачи, Кайсанбек: «Станцуем?!». Это было так непохоже на сдержанного Кайсанбека, что я не смогла отказаться, хотя никогда не танцевала при таком скоплении народа.

Не знаю, как это получилось у меня, но Кайсанбек танцевал как солидный, знающий себе цену мужчина. Он не пытался стать на носки, но танец его был удивительно легким, несмотря на крупную фигуру.

Видимо, что-то все же было в нашем танце (девочки в комнате говорили, что ощутили кавказский дух), что в кругу остались мы с Кайсанбеком и руководительница танцевального кружка со своим постоянным партнером. Конечно, они танцевали профессионально, им и достался приз. Но мы были довольны и без приза – будто дома побывали. Помню, как радостно блестели глаза Кайсанбека, обычно такие грустные.

Ну, после таких писем, ты посмеешь сказать, что я чего– то не помню? А вот что помнишь ты? Напиши.

P.S. Дали мне почитать книгу Раисы Максимовны «Я надеюсь...»

Несколько страниц там о Стромынке, но, конечно, без всяких «глупостей»: танцев, общежитейских коридорных закоулков и т. п. Оно и понятно – не тот уровень!

Алеша, здравствуй!

Что-то ты молчишь долго. Нездоров? Крутишься, добывая на хлеб насущный? Вероятнее всего – работа нашей почты.

А меня что-то разбередили мои воспоминания. Одно цепляется за другое. Прокручиваются разные варианты: вот если бы тогда я сделала не так, а так, то... К сожалению, а может, к счастью, ничего уже изменить нельзя.

Скажи, Алеша, тебе знакомо чувство вины перед близкими?

У меня постоянное ощущение, усиливающееся с годами, что я недостаточно внимательна к родным, вообще к хорошим людям, на которых всю жизнь мне очень везёт.

Мучает меня совесть, что я отмахивалась, когда мама в десятый раз рассказывала одни и те же истории. Ну что мне стоило выслушать её еще раз? (Все повторяется. Теперь и мои дети часто говорят: «Мама, ты это уже говорила!». А как хочется, чтобы они потом не жалели, как я сейчас!).

Чувствую я и перед отцом вину. Дважды я как бы отреклась от него: в автобиографии, поступая в вуз, а потом на работу, я написала, что отец просто умер в 1937 году (хотя и так было ясно: в эти годы редко кто умирал своей смертью). Может, мои настойчивые последние три года попытки выяснить подробности судьбы отца – очищение, успокоение совести?

И уж совсем непростительно, что я смогла выбраться на могилку погибшего в войну любимого брата только много лет спустя, когда и могилу нельзя было отыскать.

Много и более мелких проступков, о которых я сожалею.

Вот и перед тобой, Алеша, я должна повиниться. (Ната не простит мне, если когда-нибудь узнает, что я выдала нашу тайну, столько лет хранимую).

Ты знаешь ведь, что значит для меня Ната. Дружба с ней в течение сорока лет – это одно из тех благ, которыми одарила меня жизнь (как красиво сказано, а?). Мне так понравилось в коктейль-холле, куда ты меня сводил, я так любила Нату, у нас так все было одинаково – просто смириться было невозможно, что она осталась без такого удовольствия. Но что делать? Стипендии свои мы отдавали в общий котел. Где же достать 160 рублей (столько ты заплатил). И тут вдруг «...несчастье помогло» в очередной раз я потеряла свои карточки. Когда ты узнал об этом, то тут же отдал мне свою вторую карточку (была у тебя какая-то льготная).

Это был единственный шанс добыть деньги.

Мы продали эту карточку на Тишинском рынке за 200 рублей!

В тот же вечер мы с Натой отправились в коктейль-холл. Швейцар подозрительно смотрел на нас, потом спросил: «Вы с кем?». Ната, напустив на себя независимо-развязный вид, махнула рукой в сторону зала: «Нас ждут!».

Мы сели за тот же столик, заказали те же пирожные, тот же коктейль «Дружеский». Я сгорала от стыда. А тут еще подсели за наш

столик двое мужчин. Вначале они не обращали на нас никакого внимания, говорили о науке, чертили какие-то формулы, но когда выпили (видимо, что-то более крепкое, чем наш коктейль), то стали заговаривать с нами и даже пытались расплатиться за нас. Но официантка, немолодая женщина, одернула их: «Девочки пришли сами, сами и расплатятся». Как ошпаренные, вылетели мы из бара, ощущая на спине неодобрительный взгляд швейцара.

Нату я приобщила к коктейлю, но как было досадно, что испорчено то первое, светлое впечатление.

Прости уж нас, Алеша, глупых любительниц острых ощущений.

Теперь уж буду ждать твоей реакции на мои послания.

P.S. Такое странное совпадение. Вчера после письма тебе я взяла почитать рассказы Белля (они мне очень нравятся) и наткнулась на место, которое раньше не замечала: «Молчанием сбережешь чужие воспоминания, а стоит позволить себе растворить их в сентиментальных словах, как они тотчас поблекнут. Стоит только дать вволю всем этим: «А помните...», и прошлое обесцветилось бы».

Неужели Белль прав? Мне-то кажется, что высказанное становится ярче. Уж не говорю о том облегчении, которое я, например, ощущаю после каждого письма тебе.

А что ты думаешь?

ЗАПАХ РОДНОГО ВЕТРА

В просвете между домами улицы, на которой я жила до 18 лет, в ясную погоду отчетливо видна Столовая гора. Ощущение, что дойдешь до конца улицы – и можно взбираться на гору.

Когда я уехала из родного города, долго в тоске мне казалось, что именно этой горы мне не хватает.

Теперь уже, спустя много лет, я поняла, чего мне еще не доставало.

...Прошлым летом я гостила у сестры. Не спалось, и я утром рано вышла на балкон.

Тихо. Дует ветерок. Какое-то волнение охватило меня, защемило сердце. Я даже не сразу поняла, в чем дело.

И вдруг дошло – запах ветра! Ветер теплый, но в то же время пахнет снегом, горами и еще чем-то необыкновенным, неповторимым! Нигде, где я побывала, не было у ветра такого запаха.

Так «с чего начинается Родина»?

Я знаю: для меня – со Столовой горы и запаха родного ветра.

КОРОТКИЕ ГУДКИ

Повесть

Перебирая поздравления к 8 марта, Заира обнаружила, что от Тамары Ивановны опять ничего нет. Это так не похоже на обязательную Тамару, всегда присылавшую длинные, обстоятельные, с семейными подробностями письма, что Заира встревожилась. В тот же вечер она написала в Изюм, выразив свое недоумение и беспокойство. Она нашла последнее письмо Тамары – почти годичной давности! Вот тебе и обещания не забывать друг друга, потому что «мы с вами одной болезни, вы и я!».

***

Когда Заира случайно обнаружила на теле маленький плотный комочек, то подумала, что, вероятно, ударилась обо что-то. Через месяц она простудилась, кашель долго не проходил, и она попросила «семейного врача» – соседку, жившую на одной лестничной площадке, и безотказно обслуживающую не только подъезд, но и весь дом, – послушать её: не воспаление ли легких опять. Посмотрев на раздевшуюся Заиру Софья Моисеевна с удивлением спросила:

- И давно это у Вас?
- Не знаю. Я заметила несколько недель назад.
- Почему же Вы не показали мне?
- Не хватало времени еще по таким пустякам беспокоить Вас!

Послушав Заиру, Софья Моисеевна сказала:

- В легких чисто. Но завтра же покажись хирургу.
- Ну, положим, на завтра у меня другие дела. Как-нибудь схожу.
- Нет, не как-нибудь, а завтра-послезавтра!
- Схожу, схожу. Вы только не волнуйтесь!

Но ничего не болело, к хирургу всегда длинные очереди, и ни завтра, ни послезавтра Заира к врачу не пошла.

На третий день соседка зашла к ней сама.

– Что сказал хирург?

– А я еще у него не была у него.

– Вы меня удивляете. Пугать Вас не хочу, но как можно так несерьезно относиться к своему здоровью? Вы же культурная женщина!

– Все! Обещаю. Завтра же схожу.

И на следующий день отправилась Заира в поликлинику зная, что Софья, придерживающаяся правила «лучше лишний раз проверить, чем что-то упустить», все равно от неё не отстанет. Осмотрев Заиру, хирург направил её в соседний кабинет, где как раз принимал онколог.

– Проконсультируетесь у онколога.

Онколог с брезгливостью, как ей показалось, едва дотронувшись до неё, процедил сквозь зубы:

– Ничего страшного не нахожу. Опухоль может рассосаться.

Понаблюдаем. Зайдите месяца через два-три.

Вечером Заира явилась к Софье Моисеевне.

– Докладываю: была не только у хирурга, но и у онколога. Ничего страшного. Надо ждать.

– Чего?

– А вдруг она рассосется.

– А вдруг нет? Это не годится. Ничего не надо ждать. Завтра я работаю в первую смену, поедете со мной. Я покажу Вас онкологу нашей поликлиники.

Спорить в таких случаях с Софьей было бесполезно, и наутро Заира опять стояла перед онкологом. Та долго щупала вздувшийся бугорок и наконец сказала:

– Не беспокойтесь, я уверена, что опухоль доброкачественная, но носить её ни к чему. Вот направление на анализы и в областной онкодиспансер. Не тяните, как только будут результаты анализов, поезжайте в диспансер записаться на очередь. Операция эта очень простая, через несколько дней будете дома.

Через неделю Заира поехала в больницу.

Онкодиспансер находился на окраине, где сливаются городской парк и лес. Местность так и называется – Лесопарк. Это самый зеленый уголок города. Корпуса диспансера окружены довольно частыми деревьями, прорезанными аллеями и многочисленными тропинками.

Заира отлично знает каждую тропинку: двадцать лет жила рядом. Она исходила их все, прогуливая своих малышей. Когда разменяла квартиру после женитьбы сына Алана, все равно дважды в день шла по какой-нибудь их этих тропинок, ведь завод «Дзержинец», в КБ которого она проработала двадцать восемь лет, находится совсем рядом. По дороге на работу и домой Заира часто встречалась с прогуливающимися больными и старалась отводить взгляд, предполагая в каждом обреченного. Особенно неприятно ей было проходить мимо мрачного одноэтажного строения с вывеской «Пансионат онкодиспансера». Летом на скамейке у входа всегда сидели изможденные люди, и ей казалось, что сюда помещают тех, кто доживает свои дни.

Зимним утром Заира шла к больнице, стараясь не думать о предстоящем – когда еще будет операция! А сегодня светит солнце, снег скрипит под ногами, деревья сказочно красивы под снежными шапками!

В приемной ожидало несколько женщин с вещами. Заира поинтересовалась, давно ли они записывались.

– Я три недели назад, – сказала одна из них.

– А я месяц назад, – добавила вторая.

Ей стало совсем спокойно: несколько недель можно не думать о неприятности.

Сестра заполняет историю болезни и велела ждать заведующего отделением, который и должен назначить день поступления. Вскоре пришел заведующий отделением – высокий, интересный мужчина.

Раздевшись, Заира почувствовала неловкость. Почему-то подумалось: как должно быть неприятно такому цветущему мужчине

осматривать немолодое, с уже дряблыми мышцами тело. И тут же она спохватилась: «О чем это я? Ведь он врач».

Осматривал он её долго, до боли ощупывая уплотнение. Заира и сама теперь видела, как увеличилась опухоль. Наконец врач спросил:

– Вы пришли с вещами?

– Нет. Меня предупредили, что у вас очередь.

– Где вы живете? В городе?

Заира назвала адрес.

– У нас прием до двенадцати часов. Вы успеете съездить за вещами.

– И, заметив напрягшееся лицо её, добавил: – Сегодня освобождается место в первой палате. Палатный врач – Владимир Леонидович Дубовой, кандидат наук. Хирург очень опытный. И не нервничайте, все будет хорошо. Идите и обязательно сегодня же возвращайтесь.

Заира шла к трамвайной остановке по той же тропинке, но уже ничего вокруг не замечала.

Надо собраться с мыслями! Кто-то должен проводить её, чтобы забрать вещи. Она не говорила о своей болячке сыну – да Алан все равно в командировке, – ни жене его Люде, которая сейчас на работе. У дочери Фатимы грудной ребенок, оставить его не на кого. Зять Сережа тоже на работе. Но есть «палочка-выручалочка» – Лара, многолетняя подружка. Она и проводит. Что взять с собой? Халат, тапочки, щетку, пасту. Не забыть журнал – как раз пришел «Новый мир».

Пока доехала до дома, Заира взяла себя в руки.

– Знаешь, Фатима, случайно освободилось место, поэтому надо лечь сегодня, – спокойно сообщила она дочери. – Собери мне все необходимое, а я пока позвоню Ларе.

Судя по тому, как засуетилась Фатима, едва ли её обманула напускная веселость матери. Беря из рук Фатимы сумку, Заира потянулась к дочери, но, увидев её бледное лицо, поняла: если обнимутся, то расплачутся обе. Поэтому она только махнула рукой:

– Пока!

Они успели к концу приема больных. Лара забрала вещи. Заира пошла в отделение. Дежурная сестра отнесла историю болезни в ординаторскую, её же посадила на табурет рядом с первой палатой.

– Подождите, пока приготовят постель.

И она ждала... полчаса, час... Никто не обращал на неё внимания.

В отделении что-то происходило. Все суетились, куда-то звонили. От мелькания белых халатов начала кружиться голова. Заира повернулась боком к суетящимся, стала наблюдать за мужчиной и женщиной, стоявшими у окна в конце коридора.

Невысокая, миловидная женщина в больничном халате все время что-то говорила и громко смеялась, явно кокетничая. Мужчина, высокий, смуглый, хорошо одетый, почти молчал, только улыбался. Заира стала гадать: кто они друг другу? Муж и жена – не может быть: ей под пятьдесят, ему не больше тридцати. Мать и сын – тоже не похоже: она типично русская, он иностранец, вероятнее всего – араб. Наконец они попрощались. Мужчина передал ей пакет с апельсинами и соком, она помахала ему рукой и вошла в палату, рядом с которой сидела Заира.

В этот момент открылась дверь, из палаты напротив вышел врач, медсестра, два санитары вывезли каталку, накрытую простыней. Держась одной рукой за каталку, рядом шла заплаканная женщина. Дверь палаты осталась открытой. Палата крохотная, всего одна кровать. К стене прислонена сложенная раскладушка.

Заира поняла: кто-то умер. Стало жутко. Хотелось сейчас же бежать, бежать домой, к родным лицам. Кто-то тронул её за плечо. Она вздрогнула. Женщина, которая стояла недавно у окна, с мягкой улыбкой смотрела на неё.

– Почему Вы сидите здесь? Вы, наверное, новенькая в нашу палату? Так заходите. Кровать у двери свободна, белье еще утром сменили. В отделении сегодня тяжелый день. Вы видели? Поэтому о Вас и забыли. Положите свои вещи и пойдёте в столовую, сейчас время обеда.

Есть не хотелось, но Заира устала сидеть, да и неловко было не подчиниться этой приятной женщине с ласковым голосом. В столовой женщина ухаживала за ней как старожил, хотя выяснилось, что она в больнице только второй день.

– Меня зовут Тамара Ивановна. А Вас?

– Заира Казбековна.

– Вы, наверное, с Кавказа? А я подумала, что Вы еврейка.

– Я осетинка.

– Как интересно! Я никогда еще не была знакома с осетинами.

Грузины, армяне, азербайджанцы встречались, а осетины – никогда.

– Ну, значит, Вам теперь повезло. Правда, лучше бы мы встретились в другом месте...

– Да ничего страшного. У Вас, вероятно, то же самое, что и у меня. Через неделю будем дома. Одно название, что операция. Я медсестра, можете верить.

После обеда Заира познакомилась и с остальными обитателями палаты, а к вечеру почти все знала о каждой. Давно замечено, что в больнице, как и в поезде, люди быстро знакомятся и охотно о себе рассказывают.

В небольшой комнате – шесть кроватей с втиснутыми между ними тумбочками. Проходить можно только боком. У окна лежала Надя, женщина неопрятного вида, почему-то непричесанная. Выглядела она не совсем психически нормальной, ни с кем не разговаривала. Тамара Ивановна, которая успела уже завести знакомства на почве общей профессии с сестрами, шепнула Заире, что Надю уже месяц, как прооперировали, но почему-то не выписывают. Раз в неделю из района приезжает муж, не заходя в палату вызывает врача, долго разговаривает с ним, потом на минуту забегает к жене, оставляет ей большую сумку с продуктами и уезжает. Ест она непрерывно – и больничное, и привезенное мужем. Для всех загадка, почему её не выписывают.

Больные ведь ушлые, и не хуже врачей знают кого, когда надо выписывать.

На кровати напротив лежала Любовь Васильевна, немолодая бледная женщина, которую за день до прихода Заиры перевели из послеоперационной палаты. Она месяц проходила лучевую терапию, тяжело перенесла операцию и сейчас тихо сияла от сознания, что все позади.

Кровать Тамары Ивановны стояла вплотную к Заириной, и тумбочка у них была одна на двоих. Тамара Ивановна жила в Изюме с мужем и маленькой внучкой, мать которой, младшая дочь Тамары, уехала куда-то на заработки. Старшая дочь вышла замуж за сирийца. Сейчас он приехал на стажировку, и так как жена привязана к маленькому сыну, Амин и проводит тещу каждый день.

В первый же день Заира все или почти все узнала о лечащем враче Владимире Леонидовиче. Он считается лучшим хирургом отделения. Ему около пятидесяти лет, холостяк, неразговорчив, с больными держится очень официально, поэтому его побаиваются, пунктуален. Живет с матерью за городом. У него старенький «Москвич». Любит охоту, рыбалку, грибник. Уму непостижимо, откуда такие подробности становятся известными больным! Одно только и осталось в тайне: почему у Владимира Леонидовича нет жены: оставил он, бросила она, безответная любовь?

Утром разбудила сестра измерить температуру, сдать анализы. И зачем их нужно сдавать в поликлинике, если опять всё то же повторилось?

Ровно в девять часов заглянула в палату сестра:

– Новенькая, в ординаторскую!

За столом в ординаторской сидел врач, о котором Заира уже многое знала. Крупный мужчина, моложавый. Перед ним лежало несколько историй болезней.

– Садитесь. Вы кто?

- Кулаева.
  - Заира Казбековна? – почему-то удивление в голосе. – Осетинка?
  - Да.
  - И что Вас занесло на Украину? Давно Вы здесь?
  - Около тридцати лет. Училась здесь в институте да так и застряла.
  - Ну раздевайтесь, я осмотрю Вас.
- После осмотра заговорил опять совсем о другом:
- У меня друг осетин, правда, давно не виделись. Тоже хирург.

Гибизов. Может, слышали?

- Ну конечно! Он же «патриарх» здешних осетин.
- Хороший человек, много добра он мне сделал... А Вы одевайтесь.

Послезавтра прооперируем.

- Как, так сразу? – испугалась Заира.
- Почему же сразу? Не сразу, а послезавтра. Да что Вы испугались?

Все будет нормально.

За дверью ординаторской её ждала Тамара Ивановна.

– Я взяла вашу чашку и ложку. Идёмте завтракать, и вы мне все расскажите. Когда операция?

- Послезавтра.
- А у меня завтра. Вы так побледнели! Не бойтесь же! Ну, как вам понравился наш доктор? Правда, угрюмый? Лишнего слова не скажет.
- Да нет, мне не показалось.

День прошел на удивление быстро. У всех было много посетителей.

Днем прибежал взволнованный Алан, вернувшийся из командировки.

После работы принесла всякие вкусности его жена Люда – большая мастерица по части печива. Совсем поздно просунулась в дверь стриженная голова мужа Фатимы Сережи:

- Заира Казбековна! Ау! Где Вы? Как Вы?

В слезах лежала Любовь Васильевна: сын приходил опять подвыпивший, что-то бессвязно бормотал, лез обниматься. Когда он

ушел, Заира под села к Любове Васильевне, пытаясь успокоить её, но она продолжала плакать:

– Не болезнь меня сведёт в могилу, а собственный сын. Жена его уже не выдерживает, хочет забрать детей и уйти. Он же тогда совсем погибнет!

Чем Заира могла утешить её?

Постепенно в палате все затихло. Только из угла раздавалось шуршание пакетов и чавканье: приезжал муж к взлохмаченной Наде, привез большой сверток всякой еды.

На следующий день прооперировали Тамару Ивановну. Она отсутствовала только час. Привела её сестра. Тамара улыбалась, хотя заметно побледнела. Она сказала, что боли не чувствовала совсем.

У Заиры отлегло от сердца. Действительно, все быстро и просто. Как хорошо, что она не разрешила позвонить сестре Азе, напрасно бы всполошила её. Она и так по малейшему поводу нервничает. Заира очень любила Азу, всегда помнила, как много сестра помогала ей, пока дети не встали на ноги.

При жизни матери сестры почему-то внешне не очень проявляли свои чувства. Как-то незадолго до смерти мама даже призвала их к своей постели и попросила:

– Богом заклинаю вас, не станет меня – вас только двое на свете останется. Не отдаляйтесь друг от друга!

Каждое лето Заира ездила в гости к Азе. В первый же день они шли на кладбище, крепко обнявшись, стояли у могилы матери, казалось, желая показать, что материнский наказ выполнили – не отдалились. С годами они становились заботливее, малейшее недомогание одной вызывало бесконечные звонки, поиски лекарств другой.

Весь этот день Заира ухаживала за Тамарой, Любовью Ивановной. Хлопоты отвлекали от мыслей о предстоящей операции.

Утром следующего дня за ней зашла сестра из операционной.

– Идёмте, будете первая. Это лучше.

Все пожелали ей «ни пуха, ни пера», а оправившаяся Тамара Ивановна проводила её до самой двери операционной. Заира была спокойна, пока не вошла в операционную – всю в белом кафеле, с огромной лампой над столом. А когда она увидела строгие глаза Владимира Леонидовича над марлевой повязкой, длинный темный клеенчатый фартук, надетый поверх белого халата, приподнятые руки в резиновых перчатках, услышала звук перебираемых сестрой инструментов, она поняла, что хоть её и уверяли, что все очень просто, это – настоящая операция. И еще Заира заметила, как не похож на себя Дубовой. Куда делась его медлительность! Быстрый, собранный, он стал казаться моложе.

– Ну, ну, Кулаева. Не нервничайте, спокойно ложитесь.

Заира легла на операционный стол. Минут через двадцать все было закончено. Все это время Владимир Леонидович разговаривал с ней. Расспрашивал об образовании, работе, семье. Это отвлекало от неприятного ощущения, что в твоём теле копошатся. Боли совсем не было. Один только раз хирург предупредил:

– Сейчас будет немного больно, потерпите. Ну, вот и все. Дойдете сама? Сестра, лучше проводите её до палаты.

В палате было новшество: маленький телевизор, который принес Тамаре Ивановне Амин. Все смотрели мультфильм «Маугли». Заира вошла в комнату как раз в тот момент, когда Маугли произносил свое знаменитое: «Мы с тобой одной крови, ты и я». Радостная, что все уже позади, Заира воскликнула:

– А вот и я! Мы с вами одной болезни, вы и я!

Все рассмеялись.

По четвергам в отделении был профессорский обход. Когда в палату вошла толпа врачей, заполнивших все свободное пространство, Заире с трудом удалось рассмотреть среди них старенького профессора. Вначале она подумала, что он – «свадебный генерал», но, видимо,

ошиблась: к словам профессора прислушивались, и видно было, что не только из вежливости.

У кровати Заиры не задерживались. Владимир Леонидович сказал только:

– Секторальная резекция. Все в порядке. Дня через два на выписку.

Любовь Васильевну профессор осмотрел. Посоветовал побольше ходить, делать специальные упражнения, чтобы разрабатывать руку. К Наде даже не подошли, профессор улыбнулся ей, как старой знакомой, и спросил:

– Все хорошо у Вас?

Надя радостно закивала головой.

Наконец кровать Тамары Ивановны.

– Операция секторальная, но визуально... – Владимир Леонидович заговорил терминами. – Завтра получим результаты, тогда все прояснится.

Тамара заволновалась, но профессор положил ей руку на плечо и ласково сказал:

– Ну, ну, что Вы забеспокоились. Все будет в порядке.

Два дня в палате был мир и покой. Встала Любовь Васильевна, ожила: сын приходил трезвый. К Тамаре Ивановне приезжал муж и дочь. По очереди приходили и к Заире все родные. Заира и Тамара обменялись адресами, телефонами. В пятницу, по их подсчетам, должны были выписать Тамару, в субботу – Заиру.

В пятницу в середине дня. Тамару Ивановну вызвали в ординаторскую. Она вернулась через полчаса, бледная, захлебывающаяся от рыданий, повалилась на кровать. Заира подбежала к ней, заставила выпить воды, стала расспрашивать.

– Пришел ответ. Плохой. Надо делать радикальную операцию... Облучаться нужно... А я уже сказала, чтобы мне вещи принесли! – сквозь слезы говорила Тамара.

Заира пыталась утешить её, хотя понимала сама, что произносит банальные фразы. Подошла Любовь Васильевна, её слова были, конечно, более убедительны.

– Тамара Ивановна, ну посмотрите на меня. Я облучалась, перенесла операцию. И что? Жива, как видите. Моей сестре делали такую операцию двадцать лет назад, никаких последствий. А бабушка моей соседки умерла в восемьдесят, прожив после такой операции тридцать пять лет.

Как часто за годы после операции слышала Заира подобные фразы! Каждый, узнавший о болезни, начинал вспоминать близких и дальних знакомых, перенесших именно такую операцию и живущих или проживших после этого еще много лет. Все говорили из лучших побуждений, но им было невдомек, как мало это утешает того, над кем нависла страшная болезнь.

Остаток дня Заира и Любовь Васильевна были около Тамары. Она пришла немного в себя, начала беспокоиться о внучке, которая находилась на её попечении. Позвонила Амину, сказала, не вдаваясь по телефону в подробности, что вещи приносить не нужно. Но заснула Тамара, видимо, только под утро. Заира несколько раз просыпалась: Тамара кружила по комнате и иногда в темноте задевала её кровать.

В эту ночь выпало столько снега, сколько не выпадало за всю зиму. Снег доставал почти до подоконника палаты. Алан, зашедший к Заире перед работой, сказал, что транспорт остановился, всех сняли с работы и послали расчищать дороги.

Прошел ежедневный обход врачей. О выписке Заиры Владимир Леонидович промолчал. А так хотелось уже в воскресенье быть дома! Несколько раз Заира заглядывала в ординаторскую: хотела все-таки, чтоб её сегодня выписали. Но Владимира Леонидовича нигде не было видно. После обеда она и искать перестала: он всегда уходил ровно в два часа.

Неожиданно часа в три, когда все в палате собирались уже прилечь, открылась дверь и вошел Владимир Леонидович. Заира подумала, что ему нужна Тамара, хотела пойти за ней – она видела Тамару в вестибюле с мужем, – но врач молчал, и Заира продолжала сидеть на кровати.

Владимир Леонидович медленно прошел между кроватями к окну, постоял немного, вернулся, остановился около Заиры, взял журнал, лежащий на тумбочке, прочел:

– Даниил Гранин. «Зубр». Роман? Интересный?

– Не совсем роман. Об учёном Тимофееве-Рессовском, любопытно очень.

– Не слышал о таком. – Владимир Леонидович опять подошел к окну. – Надо же, сколько снега выпало. – Затем он резко повернулся и подошел к Заире. – Ну, Кулаева, будем делать еще операцию. Сегодня пришел ответ на анализ, не совсем благополучный, так что лучше подстраховаться. Примете пять удвоенных сеансов лучевой терапии, остальные двадцать – после операции. В конце будущей недели прооперируем. Кулаева, Вы меня слышите?

– Да...

– Что же Вы молчите?

– Я расплачусь, если начну говорить...

И тут Владимир Леонидович присел на кровать, приобнял Заиру и непривычно ласково заговорил:

– Зачем же плакать? Это просто перестраховка, знаете, на всякий случай... Болезнь не запущена. Вы молодец – обратились вовремя. – И так как Заира все-таки расплакалась, он добавил: – Вытрите слезы и успокойтесь. Кстати, а пироги осетинские Вы умеете печь? Как же она называется? Забыл...

– Олибахи. Конечно, умею.

– Вот-вот. Олибахи! А пиво слабо Вам сварить?

– Хмель нужен.

– Это не проблема, хмель найдем. Пирогы ваши превкусные. Жена Гибизова, хоть она русская, всегда их печет. Как выпишитесь, испечете пироги, угостите меня. Я и сравню, чьи вкуснее. – Затем он встал и своим обычным суховатым тоном сказал:

– Через час придет врач из радиологического отделения, она Вам все расскажет. Будете ходить вместе с Чередниченко.

Вернулась Тамара Ивановна. Теперь уже она утешала Заира. И, казалось, было легче, что каждая не одна, все у них одинаково и будут они вместе.

К вечеру, к приходу Алана и Люды, Заира взяла себя в руки, сообщила им новость спокойно, как ей казалось. Но дрожь в голосе выдавала её волнение. Она попросила принести ей пальто, сапоги и шапку – к радиологическому отделению надо было пройти через двор.

И вот пять дней Заира и Тамара ходят на «пушку», как говорят больные. Из месяца, проведенного в больнице, эти пять дней были самые тяжелые. Процедура лучевой терапии длилась всего несколько минут. Но когда Заира входила в бетонированную комнату, ложилась на холодный стол, сестра, быстро направив луч, почти бегом выскакивала, затем слышался металлический лязг задвигаемых болтов и начинал мерно гудеть включенный аппарат – Заира охватывал ужас. Казалось, она и останется в этой комнате.

Заканчивался сеанс, и они не спеша, стараясь надышаться свежим воздухом, возвращались в затхлые коридоры давно не отремонтированного корпуса, пахнущие характерными больничными запахами, перемешанными с вонью неисправных туалетов. Помимо этого, было здесь и еще что-то гнетущее, чего Заира, не раз лежавшая в больницах, нигде не ощущала. Близость смерти? Может быть... В ту маленькую палату, за которой Заира наблюдала в день поступления, помещали уже безнадежных, а раскладушка была для близких, которым разрешалось ухаживать за умирающими, если не было возможности забрать их домой. Заире еще раз довелось увидеть, как оттуда увозили мужчину. На лице

его остались одни огромные глаза и растянутые в попытке улыбнуться губы. Сестра вела под руку женщину с серым лицом, воспаленными глазами – мать умирающего. Говорили, что он солдат (Заира же подумала, что это старик!), проходивший срочную службу в ракетных войсках и случайно получивший большую дозу при какой-то аварии.

...Много раз Заира читала, что перед смертью человек за минуты успевает вспомнить всю свою жизнь. Заира прекрасно знала, что это не более, чем художественный прием. Кто может знать, о чем думает человек перед смертью? Разве кто-нибудь вернулся и рассказал об этом?

Умирать Заира не собиралась, но у неё было всего пять дней до сложной операции. Дни проходили в каких-то хлопотах, а ночью она могла спокойно думать, вспоминать. Заира знала, что снотворное начинает действовать примерно через час, поэтому принимала его только после отбоя, когда все утомонятся. По своей привычке все раскладывает по полочкам компактно, из-за которой приятели подшучивали над ней, она старалась и думать не обо всем сразу, не вперемешку, а по порядку.

***

Самое раннее воспоминание – переезд в новый дом. Заире было три года. Она шла с двумя родственницами, одна из которых несла самовар, прижав его к животу, другая – под мышкой таз для варки варенья. И таз, и самовар были желтые, Заире запомнилось, как отражалось в них солнце и иногда солнечный зайчик попадал не неё, она жмурилась и радостно смеялась. Шли очень долго. Как узнала Заира позже, отец купил две комнатки и коридорчик поближе к работе. Прежний дом находился на последней улице города, а через дорогу стояла церковь. Заира смутно помнила, как её разрушали. Спустя годы на этом месте построили школу. Развалины церкви были рядом и с новым домом.

Когда уже взрослой Заира осталась в этой квартире вдвоем с мамой – в тридцать седьмом году забрали отца, машина задавила дедушку, погиб брат, вышла замуж Аза, – никак не могла вспомнить, как же они размещались в этих крохотных комнатках. А еще постоянно кто-нибудь из племянников отца жил у них да гости из села, приезжавшие за покупками в город. Уму непостижимо...

Хорошо помнила Заира и первый день после отмены карточек в 1934 году. Очередь заняли накануне ночью, записав всех от мала до велика, потому что было известно: в одни руки будут выдавать только буханку. Целый день подвозили и подвозили хлеб, а очередь никак не приближалась. Заира уже дремала, когда её растолкал брат, и они прибежали в магазин, когда родители были у прилавка. Заира прижимала теплую буханку к груди и была горда, что она добытчица. К полуночи не столе высилась гора буханок хлеба, и дедушка, посмеиваясь, бормотал: «Хвала тебе, Господи, одарил нас! Теперь выживем!».

В тот год Заира пошла в школу. Записывающая её завуч спросила:

– Надеюсь, ты не доставишь нам таких хлопот, как твой брат?

Заира не поняла её, но покорно ответила:

– Не доставлю.

Только в восьмом классе, когда завуч вела у неё русский язык, Заира поняла, какие хлопоты брат доставлял учительнице. Начитанный, он часто ставил её в неловкое положение, задавал вопросы, на которые она затруднялась ответить. Да и уроки её сводились к пересказу учебника – это Заира знала уже по своему опыту. Конечно, брат притаскивал в школу книги и на всех уроках читал. А когда учительница извлекала из-под парты Мопассана, скандал был на всю школу. Отца вызвали к директору, и брату здорово доставалось. На экзаменах учительница все припоминала брату и поставила ему двойку по литературе, которую он едва ли знал хуже её.

Период с 1937 по 1945 годы был такой тяжелый, столько горя и несчастий пережито, что вспоминать об этом сейчас, в больнице, когда и

так камень на душе, сил не было. Заира мысленно исключила это время. Почему-то подумалось о том, как долго обоняние хранит запахи. Заире казалось, что и сейчас она узнала бы вещи отца и брата по запаху.

В большой украинский город Заира попала случайно. Мечтала она, конечно, о Москве, но побоялась, что в столице не выдержит конкурса. Техническое её образование – тоже случайность. Ей бы в гуманитарный вуз! Но две её подружки послали документы Украинский инженерно-строительный институт, уговорили Заиру. Ничего особенного в студенческой жизни не происходило: институт, читалка, общежитие, сессии.

Самое главное – поездки на каникулы домой, к своим, к привычному, родному.

На четвертом курсе она познакомилась с Русланом. Познакомилась... на кладбище.

Есть в этом большом украинском городе могила Героя Советского Союза осетина Ахсарова, чей танк первым ворвался в город, когда отбивали его у немцев. Есть в городе школа его имени, в честь его названа и улица, на которой он погиб. Много лет 9 Мая и в день освобождения города в полдень у могилы Ахсарова устраивался митинг, стояли в почетном карауле школьники. Собирались на эту церемонию и все местные осетины. Знакомились, общались, говорили на родном языке, затем разбивались на группы по возрасту, интересам и расходились, кто выпить за упокой души Ахсарова и всех павших осетин и неосетин, кто помоложе – отправлялись за город на шашлыки. Организатором этой церемонии был врач Гибизов, кажется, тоже участвовавший в освобождении города.

И эта традиция, как и многие другие, утрачена. Умер Гибизов, многие осетины уехали. Два года назад Заира с приятельницей-осетинкой пришли к могиле. Там не было ни одного человека. Правда, на плите лежали свежие гвоздики – кто-то приходил до них. Оглянувшись

уходя, они заметили, что к могиле подошел еще мужчина с цветами. И все...

Вот у этой могилы в День Победы и познакомилась Заира со своим будущим мужем. Он был старше Заиры, только что защитил кандидатскую диссертацию, приехал работать на какое-то номерное закрытое предприятие. С кладбища ушли вместе, долго гуляли по парку, потом он проводил её до общежития, при прощании дал номер телефона, просил звонить. Заире он понравился: солидный, спокойный, много поездивший и повидавший. Выждав для приличия неделю, Заира позвонила ему, он пригласил её в кино. Потом ходили и в театр. С Русланом было надежно, спокойно после общежитской суеты. Обещали Руслану дать квартиру, а пока он снимал комнату. Как-то он пригласил её к себе в гости. Угощал супом, хотя и очень густым – ложка торчком стояла в нем – но вкусным. Запивали они компотом, сваренным в молочном бидоне. В комнате было чисто, все вещи разложены по местам, кровать аккуратно заправлена, но сразу чувствовалось, что это – комната холостяка. У Руслана был патефон. Перед уходом Заиры он предложил послушать музыку и поставил одну из пластинок.

«Весна появилась, и сердце забилося...». «Раскрылась вся душа, как цветок на заре...» – пела Зара Долуханова. Почему из нескольких пластинок Руслан выбрал именно эту? О музыке они не говорили, и он не мог знать, что Долуханова – любимая певица Заиры. Как эти арии Далилы были созвучны тогда её настроению! А может, и его тоже?

Вскоре началась сессия, а сразу после экзаменов Заира собралась уезжать. Она позвонила Руслану, чтобы попрощаться. Он пришел на вокзал с двумя свертками, один попросил занести его маме.

– А это тебе, – сказал он, отдавая ей второй пакет. В вагоне она развернула свой пакет. Флакон духов «Красная Москва!» – самых дорогих тогда, – таблетки пирамидона (она пожаловалась, что часто болит голова) и пластинка Зары Долухановой. Заиру тронула его внимательность, и на второй же день после приезда она отнесла посылку.

Мать встретила Заиру очень приветливо. Оказывается, Руслан ей уже звонил и предупредил, что к ней должны зайти. Она угощала Заиру чаем, расспрашивала о семье, родных, внимательно рассматривала её, и было ясно, что это неспроста.

Через месяц, когда Руслан приехал в отпуск, Заиру посватали. И вскоре было «утро роз», как назвала Заира это июньское утро, когда она с Русланом поехала в оранжерею за городом и садовник срезал по её выбору розы, блестящие от росы в лучах восходящего солнца. А вечером была свадьба, и в нарушение осетинских традиций шафер, испросив разрешения у старших, посадил её с Русланом за общий молодежный стол. Заира жила с ощущением, что счастьем не будет конца.

Пять лет, прожитых с Русланом, вспоминались, как в тумане. Последний курс института, защита диплома, рождение сына, пеленки, стирка, плита, бессонные ночи. Через четыре года – появление дочери, и опять пелёнки, опять базар, бесконечная стирка. И всегда хотелось спать, спать... Не верилось уже, что есть на свете люди, которые высыпаются.

Дали Руслану трехкомнатную квартиру – опять заботы: обставить, следить за порядком. В домашних делах муж был плохим помощником. С утра до полуночи на работе, а в редкие выходные – весь в себе, казалось, мысли о работе ни на минуту не покидали его.

Теперь уже Заира понимает, что была не лучшей из жен: все её время и заботы тратились на детей и дом. Но в двадцать три года разве знаешь, что главное! Приехавшая посмотреть, как они устроились на новой квартире, свекровь сразу все подметила и открыто сказала:

– Мать ты хорошая, ничего плохого не могу сказать, а жена неважная: плохо за мужем ухаживаешь.

Особенно возмутилась свекровь, когда обнаружила в каком-то коробе лежащие рядом ботинки Руслана и его военную фуражку. Переезжали они в спешке, и Заира, держа в одной руке ребенка, другой складывала вещи, не особенно задумываясь, что на что сбрасывает.

– Это додуматься нужно, – не могла успокоиться свекровь, – мужскую шапку положить на обувь!

– Но он же давно не носит фуражек, он ходит в шляпе.

– Неважно! Мужская шапка – это мужской головной убор, и бросать его так, значит, наплевать и на саму голову.

Заира глотала слезы, но возражать свекрови не смела.

...Фатиме было два месяца, когда она заболела воспалением легких в очень тяжелой форме. Если температура переходила за тридцать девять, девочку сводили судороги, и Заира замирала в ужасе, думая, что это конец. Вызвали скорую, увезли в больницу Фатиму и Заиру, прижимавшую пылающее тельце. Несколько дней Фатиму кололи так часто, что у неё на теле уже и места живого не осталось. Наконец температура начала спадать, кашель стал спокойнее и реже. Первый раз за неделю Заира смогла уснуть, но и во сне не выпускала крохотную ладонь дочурки.

В тот день и случилась трагедия... Руслан ехал в смежную организацию на легковой машине. Машина врезалась в неожиданно выехавший наперерез «рафик». Сидевшие сзади двое мужчин отделались легким испугом, шофера поранило стеклами, а Руслан, сидевший рядом с ним, ударился виском об острый угол прибора, который держал на коленях. Смерть наступила мгновенно...

Приехали родные Руслана забрать его тело домой. Само собой подразумевалось, что должна ехать в Осетию и Заира. Но лечащий врач предупредила её, что если она оставит ослабевшего ребенка без грудного молока, то лишится и девочки. И Заира не поехала с гробом Руслана. Все родные мужа ополчились против неё, так и не простили ей «предательства», как они считали.

Заире было двадцать восемь лет, когда она осталась с двумя детьми, пятилетним Аланом и двухмесячной Фатимой, на руках, без родных, в чужом городе. Правда, были земляки, приятели, но самые близкие – мать и сестра – в Осетии. Они настаивали на переезде Заиры, но она не

захотела: боялась, что жалость и сочувствие, которым окружают её родные, будет постоянно напоминать о трагедии. Она вся отдалась детям.

Подрастая, они становились крепче, реже болели. Заира ревниво следила за тем, чтоб её дети выглядели не хуже соседских – при отцах. Она научилась шить, обшивала не только детей, она и себе все мастерила сама. Пошла мода учить детей английскому языку – она пристроила в группу Алана, а потом и Фатиму. Купила старенькое пианино в надежде, что хоть в детях осуществится её давняя мечта – научиться играть. Но дети занимались музыкой из-под палки, и через несколько лет она поняла, что учить их – пустая трата денег.

Когда Фатиме исполнился год, Заира пошла работать в КБ при крупном заводе, выпускающем телевизоры и детали для космических кораблей. Помог устроиться ей сосед Андрей. Он и его жена Люся из соседей постепенно превратились как бы в членов семьи. У них тоже было двое детей, ровесников Алана и Фатимы, и дети не разлучались. Вообще, если бы не Андрей и Люся, едва ли она осталась бы здесь. Это они уговорили её не ломать жизнь, бросая уже обжитое и нажитое.

***

По мере того, как её время и мысли освобождались от детей, она все больше и больше ощущала свое одиночество, понимая, что еще молода. Нельзя сказать, что она совсем была обойдена вниманием, но все это было не то.

Валера... Интересно, как устроилась его жизнь? Сейчас ему около пятидесяти лет. А тогда, когда Андрей прикрепил к ней дипломника, давая возможность хоть немного подработать, ему было всего двадцать три. Он был третий дипломник, которому она помогала, но первые две были девушки. Заире было удобнее заниматься с ними дома, поэтому они часто приходили к ней с вопросами. Она поила их чаем, помня, как важен семейный уют для живущих в общежитии. И вот её третий дипломник – высокий, интеллигентный, серьезный юноша. Очень скоро

Заира поняла, что он предпочитает приходить к ней домой, чем общаться в лаборатории. После решения дипломных дел он играл с детьми, приносил и дарил им открытки, которые много лет собирал. У Заиры и в мыслях не было, что она может его заинтересовать как женщина – такая разница в возрасте! Ей ведь уже за тридцать. Тем более, что Валера рассказывал: у него есть девушка, милая, скромная, явно влюбленная в Валеру.

...Заира вышла с родительского собрания – Алан учился уже в первом классе – и увидела стоящего у школы Валеру.

– Ты что здесь делаешь? – удивилась Заира.

– Вас жду. Я хочу пригласить вас в кино.

– Меня?

– Да. Дело в том, что Лена занята, а мне очень не хочется, чтобы пропали билеты. Да и фильм, мне кажется, Вас заинтересует – «Большой вальс».

– Я его видела раз десять школьницей. И еще можно столько же раз посмотреть, но ведь дети...

– Знаю, знаю. Я заходил к Вам, соседка обещала уложить их.

И Заира пошла. И опять окунулась в обворожительную музыку, в чужие страсти и печали, так не похожие на её собственные.

Возвращались они какие-то просветленные. Но все было испорчено. Они уже подъезжали к дому, когда в трамвай ввалилась какая-то шпана. Один из подвыпивших, бормоча непристойности, стал приставать к ней. Промолчи Валера, и все бы обошлось: они уже подъезжали к своей остановке. Но Валера, заслонив Заиру, оттолкнул парня. Заира не ожидала этого и не успела остановить его. А хулиганью только это и нужно было. Они набросились на Валеру, стали бить его и первое, что сделали, разбили очки. И сразу Валера стал таким беспомощным. жалким, что в Заире поднялось какое-то материнское чувство к нему. Она остервенело набросилась на обидчика, и потеряв всякий контроль над собой, начала бить его по лицу. Наконец вмешались

пассажиры, парней вышвырнули из вагона, а Заира и Валера проехали свою остановку, и пришлось возвращаться назад. Заира чувствовала, как стыдно Валере, а её сердце переполняла благодарность за то, что он трусливо не промолчал.

Дома Заира смазала его ссадины йодом, напоила чаем. За все это время он не проронил, кроме «спасибо», ни слова и ни разу не взглянул на Заиру. Неделю Валера не появлялся, она начала беспокоиться. Но он явился в новых очках и с билетами в филармонию.

– Я пойду, если ты пообещаешь, что дело не кончится опять кровопролитием.

И тут напал на обоих смех. Случай не казался уже таким трагическим.

– А Вы, оказывается, тигрица. Как Вы исцарапали ему лицо!

– Молчи уж. Я поняла, что вся твоя сила в очках, как только ты их лишился, сразу растерялся.

Они пошли на концерт заезжего скрипача. С Валерой было очень легко и приятно слушать музыку. На Заиру музыка так подействовала, что после концерта долго еще не хотелось разговаривать, и она была рада молчанию Валеры. Он еще несколько раз приглашал её в филармонию. Потом Валера защитил диплом и уехал в город Жуковский, куда был распределен.

Ровно через месяц Заира получила маленькую бандерольку, оцененную, однако, довольно дорого – сорок пять рублей. Она развернула её, внутри вата, скомканная бумага и, наконец, письмо и маленький футлярчик. Колечко! Золотое, с прозрачным горным хрусталиком. Валера писал, что колечко куплено на его первую зарплату. Это благодарность не только за помощь в работе над дипломом, но и за то, что Заира была в его жизни, что он выбрал специально прозрачный камень как символ чистоты его чувств к ней. Еще он писал, что расстался с Леной, потому что после встречи с ней, Заирой, он сможет жениться только на девушке, похожей на неё.

Через два года пришло еще одно письмо. Валера сообщал, что все у него хорошо, работой доволен, обещают дать комнату. В конце приписка: «Я недавно женился».

И все! Но разве этого мало? Пусть ненадолго, но она видела его восхищенные взгляды, и они помогали ей вновь ощутить себя женщиной.

***

Как-то отправив Алана в пионерский лагерь, Заира с восьмилетней Фатимой поехала в заводской дом отдыха недалеко от города. Поселились они в один домик с подругой Ларой и её дочерью, ровесницей Фатимы. Хорошая погода, рядом речка, лес, девочки целый день играют вместе. Заира и Лара вяжут, есть о чем и поговорить. Они уже неделю отдыхали, когда к домикам подъехал «Москвич», оттуда вышел немолодой мужчина в спортивном костюме, быстро поставил палатку, стал вытаскивать из багажника удочки. Заира и Лара от нечего делать наблюдали за ним. Во время обеда они встретились с ним в столовой. Оказалось, что это начальник одного из цехов завода. Заира знала его только в лицо, Лара была знакома: сталкивались по работе. Он подошел к их столу, поздоровался, представился Заире: «Николай Васильевич» – и попросил разрешения обедать за их столом, объяснив, что приехал без жены, а одному скучно. Никто не возражал. Он был веселый, общительный, смешил девочек, показывал им фокусы. К концу обеда обе девочки смотрели на него восторженными глазами. Вечером Николай Васильевич развел костер у палатки, вскипятил чайник. Лара и Заира, уложив девочек, пошли к костру, до полуночи слушали бесконечные охотничье-рыбацкие истории Николая Васильевича. Увлекался он и спортом – играл в теннис, был мастером спорта по лыжам. Рассказывал он обо всем с юмором. Когда через десять дней Николай Васильевич уехал – у него и жены были турпутевки в Болгарию, – стало очень скучно. Заира и Лара еле дождались окончания отдыха.

Недели через три Николай Васильевич позвонил Заире и сказал, что он готов поделиться своими болгарскими впечатлениями. Заира обрадовалась:

– Мы с удовольствием послушаем. Приходите к нам вечером, я позвоню Ларе и предупрежу её.

– Нет, Заира. Давайте сделаем иначе. Я понял, что Вы домоседка, совсем не бываете на воздухе, я на машине. Выходите к шоссе после работы, я покажу Вам такие места, каких никогда сами не увидите.

Осенний лес – это прекрасно!

– Это заметили уже и до Вас. Например, Пушкин.

– Один-ноль в Вашу пользу. Я жду Вас в пять часов. Заира вышла на шоссе в назначенное время. Машина подкатила через минуту. Она шагнула к передней дверце, но заметила, что услужливо приоткрыта задняя. Немного смутившись, она села на заднее сидение. Николай Васильевич улыбнулся ей в зеркало и поехал, сосредоточенно глядя на дорогу. Когда они проезжали перекресток, где обычно работники завода ожидали трамвай и троллейбус, он быстро обернулся и прошептал:

– Пригнитесь, пожалуйста!

Она не поняла, но автоматически пригнулась. Проехав остановку, он вздохнул:

– Уф, кажется, пронесло. Там было полно наших. Не хотелось, чтоб нас видели вместе.

– Зачем же Вы меня пригласили?

– Не понимаете зачем? Не маленькая же. Вы мне нравитесь, но я не хочу, чтоб об этом узнала жена. Знаете, кто она у меня? Дочь Гурвича!

– А кто такой Гурвич?

– Как, Вы не знаете, кто такой Гурвич! Ах, да, Вы же приезжая. Всем коренным жителям города фамилия известна. Он – медицинское светило!

– Значит, просто жене изменять можно, но, упаси Боже, если она дочь знаменитости, так, что ли?

– Не иронизируйте, Заира, Вам это не идет. Вы мягкая, женственная, и оставайтесь собой. Вот мы и приехали на это изумительное место, которое мне очень хотелось показать Вам. Видите, в «багрец и золото» одетые деревья? А воздух, какой воздух! Расслабьтесь, вздохните полной грудью, наслаждайтесь красотой, а я Вам расскажу о Болгарии.

Заира слушала его действительно интересный рассказ, но осадок не проходил, и она вскоре заспешила домой, ссылаясь на оставленных детей. Не доезжая до злополучного перекрестка, она попросила остановить машину, поблагодарила за прогулку и пошла домой, твердо решив, что никогда больше не поедет с ним.

Но через несколько дней её встретила возбужденная Фатима.

– Мама, скорей собирайся. Звонил Николай Васильевич, но ждет нас. Мы поедem за лесными яблоками. Он говорит, что из них можно сварить очень вкусное варенье.

Алан стоял уже наготове с рюкзаком. И Заира вынуждена была пойти. Николай Васильевич ждал их недалеко от дома. В машине сидела девочка лет трех.

– Познакомьтесь с моей дочерью Ниночкой.

Ниночка больше годилась ему во внучки, чем в дочери, но Заира промолчала. Он привез их в такое место, где было несколько деревьев диких яблонь. Они почти не разговаривали, занимаясь сбором яблок. Наконец вся тара была заполнена, уже вечерело, и они медленно поехали в город. Николай Васильевич подвез их к самому дому, и Заира поняла, что он специально тянул время, чтобы дождаться темноты.

Раза два Заира отказывалась от встреч, тогда опять Николай Васильевич созвонился с детьми. Теперь они поехали за лесными грушами, прихватив с собой и Лару с дочерью. И постепенно она начала привыкать к нему и к его звонкам. Подкупало его отношение к Алану и Фатиме. Он, видимо, вообще любил детей: своих у него не было. Нину они взяли из детского дома шестимесячной. И хотя Заира встречалась с

ним, многое в нем не нравилось ей. Особенно её раздражало, когда он начинал её учить как нужно воспитывать детей. Самое главное, считал он, приобщить их к спорту. В душе соглашаясь с ним, она еще больше выходила из себя. Он совершенно не понимал, что её не хватает на все. Когда он звонил ей после тенниса и возбужденно рассказывал, как в каком сете он сыграл, она его ненавидела и думала: «Мне бы твои заботы!». Но зимой, когда он купил детям лыжи, для Заиры взял где-то напрокат и буквально насильно потащил всех в лес, она увидела раскрасневшиеся родные мордашки, сама почувствовала необыкновенную легкость во всем теле, от поняла, что Николай Васильевич прав. Постепенно лыжные прогулки стали привычными и необходимыми, и Заира была благодарна Николаю Васильевичу за приобщение к лыжам. Лет десять, пока жила в Лесопарке, она ходила на лыжах каждую зиму.

Лес – стихия Николая Васильевича. Он знал каждое дерево, каждую птичку, травинку. Обилие его знаний даже утомляло. Он мог часами рассказывать об обитателях леса. Если бы он так же любил и людей! Почти ни о ком он не говорил хорошо, над знакомыми подтрунивал, всех высмеивал. Как-то Заира не выдержала:

– Вы о ком-нибудь думаете хорошо? Ну, хоть кого-нибудь Вы любите? (Язык по-прежнему, несмотря на близость, не поворачивался говорить ему «ты»).

– Как? А ты? Правда, я видимо, не влюблен в тебя. Обычно, я когда влюбляюсь, стихи пишу. А о тебе не пишется...

– А может, не во мне дело, а в Вас? Не тот уже возраст...

– Не думаю, влюбленные в любом возрасте стихи пишут. И еще с одним Заира не могла смириться: за три года, что они встречались, она только один раз видела его в костюме. На работе он ходил по всему заводу в халате, вне работы – в спортивных мятых костюмах, потертых куртках. И даже когда они однажды оказались в Москве вместе, если это можно назвать «вместе», он был в той же старой куртке.

Странная это была поездка. Заиру на четыре дня послали в Москву. Когда Николай Васильевич узнал об этом, то обрадовался:

– Поедем вместе. Мне как раз нужно кое-какие детали купить для машины. Под Москвой хорошая барахолка.

– Но у меня уже билет.

– Ничего, я сейчас же поеду на вокзал. Какой у тебя вагон?

Седьмой? Встретимся на перроне перед отходом поезда.

Они встретились, и Заира отшатнулась: мало того, что он был в своих помятых одеждах, он нес допотопный чемодан с дыркой сбоку.

Заира только и смогла выдать из себя:

– А дыра эта для чего?

– Как для чего? Я с этим чемоданом на теннис хожу. Дыра для ручки ракетки, иначе она не умещается.

– Но в Москву-то можно было взять другой чемодан?

– Но я же за деталями для машины еду. Они покрыты смазкой, так что этот чемодан как раз и подходит. К сожалению, я не смог купить билет в твой вагон. Ничего, жди меня в Москве у своего вагона, я подойду.

Заира зло подумала: «Не к сожалению, а к счастью!»

На перроне в Москве Николай Васильевич деловито осведомился:

– Тебе есть где остановиться?

– Да, я всегда бываю у двоюродной сестры.

– Очень хорошо. А я должен позвонить жене брата. Правда, брат с ней в разводе, но, думаю, на пару дней она меня приютит.

Они стали искать автомат. Когда он договорился о ночлеге, то пошли по магазинам: Заира хотела купить себе туфли. Она заходила в магазин, примеряла туфли, а Николай Васильевич ждал её на улице, читая афиши. Ничего не купив, она распрощалась с ним и пошла по своим командировочным делам, сговорившись встретиться на следующий день в два часа. Вечером Заира рассказала двоюродной сестре, что приехала не одна.

– Так пригласи его завтра на обед, – предложила сестра

– Подумаю.

В два часа Николая Васильевича на условленном месте не было. Он опоздал на полчаса и бежал, расталкивая людей, с пирожками в руке.

Вид у него был сияющий, при нем тот же обшарпанный чемодан.

– Я достал все, что нужно! Такое везенье! Это потому, что с тобой!

«Ты со мной», – с горечью подумала Заира. Ни о каком обеде не могло быть и речи! Она представила недоумение сестры при виде такого гостя.

– Да, и еще у меня радость: жена брата уступила мне свой билет в театр, так я вчера и во МХАТе побывал.

– Я очень за Вас рада! А сейчас мне надо идти, меня ждут у сестры.

– Конечно, конечно. Я, пожалуй, поеду на вокзал. Удастся купить билет, так я сегодня же домой. А ты когда?

– Я останусь еще на два дня.

– Ну, тогда до встречи дома.

Заира твердо решила, что после этой поездки она не может больше встречаться с ним. Но, когда она, вернувшись из Москвы, сказала ему об этом, Николай Васильевич опешил:

– Почему? Я уже так привык к тебе, детям. Я думал, и тебе хорошо со мной.

Никаких объяснений он не понимал, не хотел слушать.

– Сознайся, что у тебя появился другой мужчина. Это я смогу понять.

Спорить с ним не было сил, и Заира просто ушла, оставив его на улице! Начались бесконечные ежедневные звонки, изматывающие выяснения отношений. Через месяц Николай Васильевич подловил её у дома и сказал, что у него важный разговор.

– Пойдёмте ко мне. Не на улице же говорить о важном, – предложила Заира.

Когда они поднялись в квартиру, он торжественно достал лист бумаги и протянул ей.

– Вот, читай. Я решил развестись с женой. Я не могу без тебя.

Заира читала заявление в суд с просьбой расторгнуть брак и думала о том, каким он себя считает героем, расставаясь не просто с женой, а с дочерью Гурвича. Так и хотелось сказать это вслух, но она промолчала. В этот день она очень устала, не было сил для длинных разговоров, и Заира сказала, что должна подумать.

– Только, пожалуйста, думай побыстрее. Если ты не согласишься, я разводиться в пустоту не буду. Развелся уже раз – Гурвич ведь моя вторая жена.

Вечером за ужином Заира, улыбаясь, сказала детям:

– Николай Васильевич сделал мне предложение. Выходить мне за него или нет?

Алан по-взрослому пожал плечами и солидно произнес:

– Как хочешь, мама. Дело твое.

Фатима выскочила из-за стола и убежала в комнату, хлопнув дверью. Её реакция удивила Заиру. Ведь ей казалось, что из троих Фатима больше всех привязалась к нему. И если бы хоть на минуту у неё промелькнула мысль согласиться на предложение Николая Васильевича, от только ради детей. Она зашла к Фатиме, окликнула её, но та молчала, притворяясь спящей и Заира тоже пошла спать. Только она задремала, как притопала всхлипывающая Фатима, залезла к ней под одеяло, прижалась.

– Мамочка, родненькая, прости меня. Ты только не думай, что я как та девчонка-эгоистка из кино. Выходи замуж, но зачем за Николая Васильевича? Он же не любит тебя! Он любит только свою машину. Если Вы поженитесь, он вкатит её к нам в квартиру. Нам так хорошо втроем, а он, чужой, придет и будет с нами жить... – сквозь слезы говорила Фатима.

Вот уж поистине «устаами младенца»! Ведь и самой Заире казалось, когда он любовно поглаживал «Травку» – машина была зеленого цвета,

– что дорожке существа у него нет. Он следил за машиной и не дай Бог, если обнаружит царапину, пятнышко. От езды то явно получал наслаждение. За рулем он замирал, весь сосредоточившись на дороге. Машина шла плавно, и если попадала в какие-нибудь выемки, он посылал проклятия на голову властей, не следящих за дорогой.

На следующий день Заире позвонила Лара, сказала, что должна увидеть её. Встретились, и Лара рассказала, что вечером к ней домой приходил Николай Васильевич, сказал, что решил развестись с женой и жениться на Заире. У Лары он хотел выяснить, можно ли полагаться на слово Заире: «Я разведусь, а она в последний момент крутанет хвостом, и я останусь на бобах».

– А еще он явно выпытывал у меня, нет ли каких «темных пятен» в твоём прошлом, – закончила Лара свой рассказ.

И Заира еще раздумывала, как бы отказать ему помягче, не обидеть. И она припомнила на прощанье ему все: и поездку в Москву «вместе», и свои унижительные пригибания при проезде людных мест, и ненормальную любовь к машине... Он слушал её растерянно, молчал и только, когда Заира сказала, что дети боятся появления машины в квартире, тихо сказал:

– Зачем же машину закатывать? Ну, на зиму, может, мотор бы внес для ремонта...

Они расстались. Заира шла подавленная. Она чувствовала себя базарной бабой, жалела о своей грубости. И в конце концов, если ей было только плохо, от что же удерживало её с ним около трех лет? Не привязана ведь была!

Месяца через два Николай Васильевич разыскал её на работе. В руках у него был обходной лист: он увольнялся, нашел подходящую работу на другом заводе. Прощаясь, Николай Васильевич передал Заире конверт со словами:

– Я врал, когда сказал, что стихи о тебе не пишутся. Вот последнее. Возьми на память.

Лет через десять Заира случайно встретила Николая Васильевича на улице и едва узнала. Он был прекрасно одет, по-прежнему молодцеват, хотя погрузнел. Похвастался, что очень удачно женился. Жена постоянно в загранкомандировках, он остается с её взрослым сыном от первого брака.

– Как-то я издали видел Фатиму. Красивая девушка. Вот бы поженить их с моим пасынком. Хотя не получится: он юноша талантливый, очень требовательный.

– Что Вы, что Вы! Куда нам до талантливых юношей! А как Ваша Нина? Она, наверное, школу кончает?

– Нина оказалась очень непутевой: школу бросила, ночует где-то по чердакам.

Больше Заира никогда не видела Николая Васильевича.

А стихи были очень хорошие! Она хранила их несколько лет, пока... 100-летие со дня рождения Ленина отмечалось на заводе так же торжественно, как и по всей стране. У завода не было своего клуба, поэтому на вечер арендовали для собрания и концерта здание оперного театра. На следующий день был намечен общезаводской субботник по уборке территории.

Заира не решила, идти или нет в оперный. Концерт обещали хороший, но так надоело быть всегда третьей при какой-нибудь семейной паре, что она склонялась к тому, чтобы остаться дома и заняться хозяйственными делами или почитать. Но за час до начала собрания зашла соседка Нюся и сказала, что пойти не сможет, поэтому «доверяет» ей мужа на весь вечер. Вскоре явился и сам Андрей, нарядный, возбужденный: видимо, именинные торжества начались еще на работе.

Заира и Андрей шли к троллейбусной остановке, когда проезжавшая мимо легковая машина посигналила им и остановилась. Дверцы открылись, Андрей подсел к шоферу, Заира рядом с... Виктором Сергеевичем, заведующим самой крупной лабораторией КБ, талантливым конструктором, известным своими изобретениями не

только в стране, но и за рубежом. Умный, практичный, он не знал покоя, заряжая энергией и своих подчиненных, души в нем не чаявших, хотя, несмотря на кажущуюся открытость и простоту, он, говорят, бывал и строг, а иногда и жесток. По работе Заира с ним не сталкивалась: он начальник ведущей лаборатории, она – простой инженер в соседней. Но ни одно торжество в семье Андрея и Нюси не обходилось без присутствия Виктора Сергеевича: они с Андреем учились в одной студенческой группе и так и остались закадычными друзьями.

Заира с первого дня знакомства обратила на него внимание. Да и невозможно не обратить – высокий, с красивой сединой, немного похожий на известного артиста.

Иногда Виктор Сергеевич приходил с женой, ничем не примечательной внешне невысокой полной женщиной, неглупой, но очень самоуверенной, безапелляционной. Наблюдая за ними, за тем, как он подчеркнуто внимателен к жене, как ухаживает за ней, как умолкает, когда она грубо его обрывает, Заира никак не могла понять, что же связывает этих, казалось, таких разных людей. Заира слышала, что он безумно любит своего любимого сына Игоря, чем, по мнению многих, жена и удерживает его. Наверное, у неё были какие-то достоинства, если такой мужчина два десятка лет при ней.

Когда Виктор Сергеевич бывал у Андрея без жены, он был совсем другим – веселым, раскованным. В такие вечера Заира перехватывала его внимательный, теплый взгляд, на который была готова откликнуться, но тут же одергивала себя, вспоминая, как он обхаживает свою жену.

И вот он сидит рядом. Через несколько минут машина опять остановилась, и к ним подсел непосредственный начальник Заире, Алексей Федорович. От обоих пахло немного коньяком. Заира сидела, зажата в тесной машине между двумя такими видными мужчинами и думала, что хотя бы ради этой недолгой поездки стоило выйти из дому. А они распустили перья: острили, перебрасываясь легкими фразами. Заира понимала, что эта игра для неё, и ей становилось радостно.

В театре все трое её спутников пошли в президиум, оставили её сидящей между пустыми креслами и пообещали вернуться на свои места к концерту. Но они не появились. И Заира так и просидела одна до конца вечера.

После концерта она решила все-таки разыскать их. Было поздно, возвращаться одной страшновато, да и Нюся просила не отпускать от себя легко увлекающегося Андрея.

Где они могли быть? Конечно, в буфете. Она увидела их через открытую дверь, рассмотрела, что перед ними полные фужеры и поняла, что домой ей придется добираться одной. Но они нагнали Заиру, когда она стояла уже одной ногой на ступеньке троллейбуса, оттянули её и стали ловить такси, подняв шум на всю центральную улицу. Наконец такси остановилось. Алексей Федорович, живший недалеко, распрощался, галантно поцеловал ей руку, и Заира с двумя мужчинами опять сидела в машине.

Подъехали к дому. Вечер был теплый, весенний. Настроение приподнятое. Так не хотелось домой, в свое одиночество. И, как бы почувствовав это, Виктор Сергеевич вдруг спросил:

– Заира, Вы спешите? Может, погуляем? Такая ночь прекрасная!

– Да, да! Погуляем! – откликнулся первым Андрей. Они сделали три круга по аллее вокруг дома. Виктор Сергеевич молчал, Заира напряженно ждала, что будет дальше. Простодушный Андрей безумолку что-то рассказывал. Когда они очередной раз подошли к дому с той стороны, куда выходят окна Андрея, Виктор Сергеевич сказал ему:

– Посмотри, в спальне горит свет. Нюся не спит, дожидаясь тебя.

Судя по тому, как поспешно распрощался Андрей, до него что-то наконец-то дошло. Еще слышны были в подъезде шаги Андрея, как сильными руками Виктор привлек Заиру к себе и начал целовать. Потом они опять, уже вдвоем, стали ходить по аллее, останавливаясь у каждого дерева и целуясь, целуясь.

Когда они расстались и Заира поднялась на свой этаж, то долго не могла попасть ключом в замок – дрожали руки. Посмотрела в зеркало – лицо пылало. Она легла и заново стала продумывать весь вечер в мельчайших подробностях. С этим ощущением радости она и заснула.

Первая мысль, которая пришла в голову утром – ничего уже не повторится. Ей не хотелось идти на субботник, где она обязательно встретится с Виктором, который, стыдливо отводя глаза, будет делать вид, что ничего не было, а если и было, то по пьянке. Это она уже проходила!

Заира немного опаздывала на субботник. Виктора она увидела издали. Он стоял у самого входа во двор завода, с кем-то разговаривал и в то же время оглядывал всех подходящих. Она подошла довольно близко к нему, когда его взгляд остановился на ней. Лицо его в одну минуту преобразилось, просияло. Он сделал несколько шагов навстречу, и она испугалась, что сейчас, прямо здесь, на виду у всего завода схватит её в объятия. Заира впервые рассмотрела тогда его умные, блестящие, молодые карие глаза, которые так и останутся на всю жизнь в её памяти.

Весь субботник он мотался между своей лабораторией и нею. Он хватался за носилки, нес с ней мусор в дальний угол двора, а возвращаясь назад, говорил, говорил. Казалось, вчерашнее опьянение еще не прошло.

– Я, наверное, с ума сошел на старости лет! всю ночь не мог заснуть, хотелось бежать к тебе. А как тебя сокращенно называют? Заира – это красиво, но длинно. Ты ведь просто Ра! Ты для меня Ра, я так и буду тебя теперь называть. Когда мы увидимся? Завтра? Нет, это долго. Вечером зайди к Андрею, я тоже приду к ним.

Так началась многолетняя сказка с полным растворением друг в друге, с непониманием, с близостью, со страстью не по возрасту, с безумной ревностью, с теплотой, с лаской, со ссорами на грани разрыва, с самозабвением, отчуждением...

***

Вдруг выяснилось, что у двух лабораторий общие дела, требующие не только телефонных разговоров, но и личных встреч. Виктор проходил в кабинет к Алексею Федоровичу мимо стола Заиры, и не сводя с неё глаз, клал на стол или длинное послание с выражением своих чувств и переживаний или записочку с милыми фразами, с прикрепленными лепестками фиалок. Виктор потом рассказывал, что секретарша была в недоумении: что приключилось с цветком на подоконнике его кабинета, почему он стал таким общипанным.

Они искали всякие поводы, чтобы увидеться хоть ненадолго, хоть издали, и если в какой-то день это не удавалось, Заира пугалась: он одумался, он, как всякий женатый мужчина, боится, что одинокая женщина «окрутит» его. Ей хотелось дать понять Виктору, что она не будет обременять его и ничего не хочет ломать в его жизни, лишь бы он был рядом. В любом качестве!

На многочисленных собраниях: профсоюзных, производственных, открытых партийных – они садились рядом и перебрасывались шутливыми записочками. На одном из таких собраний она и написала ему: «1. Тайну встреч гарантирую. 2. На узаконивание отношений не претендую...» и что-то еще, уже позабытое. Она и не предполагала, какую ошибку совершает!

Приближался день рождения Заиры, она продумала, как отметит его вместе с Виктором, но накануне он передал записочку, что на неделю едет в Москву. Конечно, она расстроилась. На следующий день её вызвал к себе Алексей Федорович.

– Заира, вот какое дело: сегодня вам нужно выехать в Москву, надо срочно отвезти договор. Билет уже куплен, оформляйте командировку.

– Алексей Федорович, почему я? У меня завтра день рождения.

– Ничего, отметите после возвращения. Мне некого больше послать, у всех неотложная работа.

И вдруг Заира сообразила: она знает, что Виктор остановился в «России», его легко разыскать. А может... Что-то очень уж отводит свой взгляд Алексей Федорович.

Заире не пришлось разыскивать Виктора. Он стоял на перроне с огромным букетом тюльпанов, следя за окнами медленно подъезжавшего вагона. Вид у него был такой торжественный, что все проходящие оглядывались. Заира бросилась ему на шею, не сдержав слез радости, счастья.

– Любимая моя Ра, с днем рождения тебя! Поедем, нас ждут в машине.

Заира ни о чем не спрашивала. Как давно она ждала, что кто-то будет о ней заботиться, куда-то вести, а самой ничего не надо решать!

В машине сидел мужчина с типично грузинской внешностью.

– Это Гиви, мой давний друг. Он сейчас в докторантуре, живет в «России». Он забронировал и тебе место.

Они вошли в номер. На столе фрукты, конфеты, шампанское, флакон духов. Поставили цветы в вазу – стало совсем празднично. Все было как в кино, и, как казалось Заире до этого дня, никогда не бывает в жизни. Выпили. Гиви произнес витиеватый тост за здоровье именинницы.

– Видишь, Гиви, какая она у меня? А ты говорил: «Слушай, зачем тебе осетинка, они же...»

Но Гиви не дал ему договорить:

– Хватит, хватит! Беру свои слова назад.

Так и не узнала Заира, какие же они, осетины, по мнению Гиви, а для Заире он остался верным другом до конца.

После завтрака пошли покупать Заире подарок. В ЦУМе Гиви вошел в роль. Он ходил вдоль развешанных платьев, придирчиво осматривая их, наконец выбрал три, и Заире пришлось их все примерить. Надев платье, она выходила из примерочной, они критически рассматривали её, и неизвестно было, кто получает больше

удовольствия – она или двое мужчин. Остановились на красивом синем платье. Заира так в нем и осталась, когда, расставшись с Гиви, они поехали к сестре Оле. Виктор очаровал Олю и её мужа своей простотой, непринужденностью. От Оли поехали на концерт: на все дни пребывания в Москве у Виктора были заготовлены билеты в театры. А после концерта они шли пешком по Калининскому проспекту к «России», обнявшись, как молодые.

Днем Заира ходила с Виктором по его делам – своих дел у неё всего-то и было, что занести в министерство договор, который, как выяснилось, совсем не надо было везти срочно, можно было спокойно отправить по почте. Виктора везде очень тепло встречали, он всем представлял Заиру: «Мой друг!» – и гордость звучала в его голосе. Заира вдруг сама показалась себе такой красивой, какой даже девушкой она не была.

***

Летом Лара с дочерью поехала отдыхать на Азовское море. Через несколько дней позвонила Заире:

– Здесь так хорошо! Народу мало, пляж – один песочек. Я сниму вам комнату, приезжайте.

Жена и сын Виктора второй месяц в Крыму, Алан на практике, Фатима в турпоездке по Волге – ничто их не удерживало, и они поехали. День были в пути. К вечеру добрались до Кирилловки, устроились у симпатичной пожилой украинки. Утром вместе с Ларой и её дочерью пошли на пляж. Народу, действительно, очень мало, все видны как на ладони. Первый, кого они увидели – всезнающая секретарша директора завода. Заметив их, она смутилась, отвернулась, но Виктор подошел к ней, поговорил о погоде, выяснил, хороша ли вода.

Из Заиры пловец никудышный, еле держится на воде. Боясь, что Виктору наскучит возиться с ней на мелководе, она вскоре вышла на берег и села на теплый песок, наблюдая, как быстро он доплыл до буйка.

Затем легла, закрыла глаза и попыталась понять, почему у неё такое ощущение, что все это уже однажды было. Она первый раз на море без детей, что же так знакомо? Вспомнила! «Беглец» – недавно прочитанная повесть Дубова. Двое на море раскинули палатку недалеко от поселка, жители которого с умилением и завистью наблюдают за их отношением друг к другу, считая их супружеской парой. Шторм. Мужчина утонул. За телом приехали его жена и взрослый сын, мелочные, вздорные. Она осталась одна, не имея возможности выбраться, под насмешливыми, злорадными взглядами женщин из поселка.

Заире стало тревожно, она поднялась. Виктора нигде не было видно. Как это похоже на ситуацию в повести. Хотя – нет, там ведь шторм был. Наконец она увидела улыбающегося Виктора, который с кем-то беседовал.

Вечером пошли гулять вдоль берега моря. Взобрались на косогор, смотрели на огни поселка внизу, на море с силуэтами кораблей вдалеке. Заира стояла, прижавшись к Виктору, он обнял её за плечи, и опять казалось, что это не с ней, а в кино. Она никогда не предполагала, что может быть такое осязаемое ощущение полного счастья.

Они рассчитывали побыть в Кирилловке недели две, но через несколько дней, вечером, когда было уже время ложиться спать, прибежала взволнованная Лара. Её хозяйка, работавшая на телеграфе, предупредила, что с завтрашнего дня будет установлен карантин в связи с эпидемией холеры. Если они не успеют уехать, то застрянут здесь на 40 дней! Перспектива малоприятная, и через полчаса все четверо сидели в машине. Ехали без остановок часов пять, только выехав за пределы возможной границы карантина, остановились на ночлег. Дома Заира застала Фатиму, которую вернули из-за холеры с полдороги.

Через несколько дней после возвращения Заира совершила свою вторую непоправимую ошибку. В минуту откровенности Виктор поведал ей о своих прежних увлечениях. Заира, предполагая, что он мог узнать о Николае Васильевиче от кого-то из заводских, давно искала подходящий

случай, чтобы рассказать о нем самой. И вот случай представился. Она рассказала все, даже стихи показала. Он прочел их, брезгливо скривив губы, молча вернул ей листок. Вскоре он ушел.

Он не звонил ей два дня. Такого еще не было! На звонки Заиры никто не поднимал трубку. Она решила, что он срочно куда-то выехал. Виктор пришел без звонка на третий день. Заира потянулась к нему, но он сухо отстранил её.

– Я пришел поговорить с тобой. Мы не будем больше встречаться! Мне нелегко говорить. Я хотел обойтись без объяснений, но это будет нечестно. Вот уже несколько месяцев ты занимаешь все больше и больше места в моей жизни. Я засыпаю с мыслями о тебе, просыпаюсь и опять стремлюсь к тебе. К несчастью, я полюбил тебя, но ты не можешь быть моей...

– Но я же тебе сразу сказала, что ни на что не претендую.

– В том-то и все дело. Я для тебя ничего не значу. Вчера был Николай Васильевич, может еще кто-то, сегодня я, завтра. А, впрочем, все свои чувства ты истратила на Николая Васильевича. Ты со мной, а живешь воспоминаниями о нем. Недаром ты и стихи его столько лет хранишь, и с кольцом не расстаешься...

– Кольцо не имеет отношения к нему!

– Не надо лгать! Ты бы посмотрела на себя, когда рассказывала о нем – глаза блестели. Я не хочу идти хоженными тропами. Слишком много сил и времени ты отнимаешь у меня. Дело даже не во мне, все, что я вкладываю в тебя, я отрываю от сына, от матери. Я месяц уже не ездил к ней, боясь хоть день не видеть тебя. Так вот, хочу прекратить наши встречи, пока я в состоянии. Думаю, очень горевать не будешь, ты ведь с самого начала не принимала меня всерьез, даже боялась моей привязанности, иначе бы твоим первым условием не было – как ты там писала? – «на официальное оформление отношений не претендую». Разве любящая женщина может «не претендовать»?

Заира смотрела на него, не пытаясь даже вникнуть в то, что он говорил, и с ужасом думала: «Неужели это он, Виктор, который всего несколько дней назад смотрел такими влюбленными глазами?». Она и не подозревала, что у него может быть такой голос – холодный и жесткий!

Он ушел, а Заира, опустошенная, сидела не шевелясь, только слышно было, как стучит сердце. Она легла и сразу же уснула. Проснулась под утро. Что так давит? Виктор! Все, нет его! Не хотелось вставать, идти на работу, не хотелось вообще жить. Только бы опять заснуть! Услышала стоны. Кто? Фатима! Заира вскочила.

– Что с тобой?

– Очень бок болит.

– Что же ты меня не разбудила?

– Я хотела. Подошла к тебе, ты как-то странно металась, и я не решилась.

Заира вызвала скорую. Аппендицит. Ургентная больница – в другом конце города. Заира подождала, пока прооперировали Фатиму, затем заехала на работу, взяла три дня отгула. Вечером вышла, чтобы ехать в больницу. На улице стояла машина Виктора. Он открыл дверцу, она села, отодвинув пакет с яблоками и лимонами. Поехали. Через некоторое время Виктор заговорил:

– Не беспокойся, я днем звонил в больницу, разговаривал с врачом. Все нормально.

В палату они зашли вместе. Фатима уже хорошо выглядела. Домой возвращались так же молча. Заира открыла дверцу, чтобы выйти, когда Виктор спросил:

– Ты не хочешь меня даже чаем напоить?

– Заходи.

Они вошли в квартиру. Он схватил Заиру в объятия.

– Ради Бога, прости! Я сделал тебе больно, я знаю. Я вижу, как тебе тяжело, но я и сам извелся за два дня. Пойми меня, мне все время кажется, что я тебе не нужен. А тут еще твой рассказ... Я никогда не

симпатизировал самодовольному, молодящемуся Николаю Васильевичу, а сейчас я его ненавижу. Ну почему он? Мне было бы не так больно, если бы кто-то другой. Мне кажется, ты и мои записки будешь показывать тому, другому, после меня...

Заира отстранила его, достала листок со стихами и мелко изорвала его. Подумала немного и порвала и записки Виктора

– Теперь ты можешь быть спокойным, никому не покажу, если и захочу.

Это была их первая ссора. А сколько их было потом! Одна на год! Но Заира никак не могла к ним привыкнуть, каждый раз казалось, что это конец и он никогда больше не придет. Она плакала на плече у Фатимы, которая её утешала:

– Мамочка, все наладится. Вспомни! Так было в прошлом году, и в позапрошлом тоже.

Поводом для всех ссор была ревность. Стоило Виктору перехватить чей-то взгляд на Заиру или ему показалось, что она не так улыбнулась, как все вспоминалось: и Николай Васильевич, и кольцо (хотя оно непонятно куда исчезло), и долго хранимые стихи, и легко разорванные записки...

Оправдываться было бесполезно. Не сразу, но Заира поняла, что эти ссоры ему нужны. При его открытой, гордой натуре ему трудно было жить двойной жизнью. Нужны были какие-то веские самооправдания, и он, может, даже бессознательно, пытался переложить на неё вину за то, что в самом начале не сделал решительного шага. Сперва его удерживала боязнь травмировать сына, потом, когда у Игоря появилась своя семья и он перестал нуждаться в опеке отца, изменилось положение Виктора – высокий пост обязывал делать вид примерного семьянина. Да и удобно, видимо, стало казаться не смешивать чувства и быт. Привыкла к положению незаконной жены и Заира. С Заирой Виктор нашел и то, чего он был лишен в семье, к чему привык на работе – власть. Он – главный, он – «командует парадом»! А она, наученная уже жизнью, подыгрывала

ему, стараясь казаться даже более покорной, чем была на самом деле. На все его предложения Заира отвечала фразой героини из незатейливого рассказа Юрия Нагибина, который они вместе читали в Кирилловке: «Как скажешь, Аурелио!». И еще неизвестно, сохранилась бы иначе на столько лет в уже немолодом возрасте такая сильная привязанность.

Они были вместе пятнадцать лет! Много воды утекло за эти годы, много произошло. Дети окончили институты, сыновья женились. Заира разменяла квартиру, чтоб Алан строил жизнь самостоятельно. Выдали замуж Фатиму. Похоронили своих матерей. Тяжело пережили смерть верного друга Андрея. Виктор стал начальником конструкторского бюро.

Каждый год Заира и Виктор отмечали день своей «свадьбы». На пятнадцатилетие она приготовила его любимые «олибахи». Накрыла стол, поставила бутылку араки, закрытую кукурузной затычкой. Пить-то они будут совсем другое, но по традиции всегда ставилась арака, и не просто арака, а с торчащим початком. Когда-то мама, приехав в гости к Заире, привезла такую бутылку. Виктора и Андрея это так умилило, что с тех пор они требовали соблюдать порядок, заведенный при маме. Виктор вообще очень уважительно относился к кавказским традициям. Он хорошо знал грузинские кабардинские обычаи – там у него было много друзей, – а потом привязанность к Заире перенес и на Осетию. Если он где-то слышал или вычитывал хоть несколько слов об осетинах, тут же сообщал ей, делал выписки. В ходу у него были и осетинские поговорки. Он пришел в восторг, когда Заира пересказала ему историю, услышанную от мамы.

В селе, где росла мама, был дурачок, который в ответ на обычное осетинское приветствие, обращенное ко встреченному на дороге: «Да будет путь твой прям!» – всегда восклицал: «Зачем? Пусть дорога петляет, я дольше буду идти, может, набреду на что-нибудь интересное».

Не было случая с тех пор, чтобы, отправляясь вместе куда-нибудь, Виктор не спросил: «Поедем прямо или зигзагами?».

Как-то, отозвавшись о ком-то нелестно, он добавил: «Впрочем, я, может, и не прав. Ты же сама говорила: «Кого не любишь, тот и ест чавкая, и ходит шаркая».

Однажды он очень расхваливал своего сына, а потом спохватился и со смехом сказал Заире:

– Ты слушаешь меня, а сама, наверно, думаешь: «Для лягушки её детёныш – луч солнца!» – да?

И еще у них в ходу была такая фраза из осетинской притчи, которую к случаю Заира рассказала Виктору.

Горец спускался по дороге на телеге, запряженной волами. Вдруг видит: стоит мужчина, держит скалу. «Что ты так странно стоишь?» – спросил его горец. «О, сейчас произойдет великое несчастье: скала обрушится и все живое в долине погибнет!» – «Что же делать?» – «А ты постой вместо меня и поддержи гору, а я съезжу на твоих волах в лес за подпорками». Вскочил он на телегу – и был таков. А простодушный горец и по сей день стоит, поддерживая скалу.

Если Заира задерживалась, Виктор звонил и всегда начинал фразой: «Я долго еще буду поддерживать эту скалу?». Правда, последнее время «поддерживать скалу» все чаще приходилось Заире. С тех пор, как Виктора назначили начальником огромного КБ, им с трудом удавалось выкраивать время для встреч. Когда перед согласием на должность он советовался с ней, то предупредил, что, наверно, они не смогут уже проводить столько времени вместе, свободно разъезжая по стране. Заира прекрасно понимала, что совет с ней – чистая формальность. Давно уже рамки одной лаборатории и даже отдела были тесны ему. Работа под началом малокомпетентного начальника КБ связывала руки и раздражала его. И когда наконец начальника сняли, лучшую кандидатуру, чем Виктор, трудно было себе представить. Заире передавали, что, когда его кандидатуру обсуждали на парткоме, кто-то из числа наиболее праведных коммунистов поинтересовался: «А известно ли членам парткома, что у Виктора Сергеевича роман с Заирой

Казбековной?». Ответил на вопрос Алексей Федорович: «Это не роман, это – Любовь!». Видимо, такое объяснение устроило членов парткома: они единогласно рекомендовали Виктора на должность.

Многое изменилось с новым назначением Виктора. Заира открывала в нем черты, которых не замечала раньше. Что Виктор честолюбив, это она всегда знала. Но что он так легко будет поддаваться лести, что он не очень хорошо разбирается в людях и вокруг него начнут увиваться не самые достойные – этого она не предполагала. Заира присутствовала на официальном торжестве по случаю его дня рождения, ей стыдно было слушать подхалимские дифирамбы, и она ждала, что вот-вот Виктор оборвет их, но он молча все выслушивал. На следующий день Заира высказала ему свое возмущение, но он махнул рукой: «Пусть говорят, я же знаю им цену». Но это были одни слова. Горстка подхалимов протискивалась в его заместители, помощники – кое-кто и с Заирой стал раскланиваться за версту, – а Андрей и Алексей Федорович, единственные, кто по-прежнему говорил ему правду, оттеснились в сторону.

Раздумывая обо всем этом, Заира «поддерживала скалу», стоя у окна, и нервничала, что остынут пироги. Виктор вылез из машины и, сопровождаемый взглядами сидящих на скамейке соседок, вошел в подъезд, по-мужски неся в вытянутых руках каллы. Вместе с цветами он вручил ей вырезку из газеты.

– Не буду изобретать велосипед. Все, что я чувствую и хотел бы сказать тебе, написано Борисом Лавреневым своей любимой.

Заира прочла отчеркнутое им место: «Как много утеряно и растрачено в блужданиях по неудобной, клочковатой земле и как сжимается сердце в сознании того, что осталось дышать и жить тобой так мало, когда можно полниться этой незаконной радостью всю жизнь. А может быть, так и лучше, так и надо.

Может быть, для того, чтобы с небывалой остротой и ясностью почувствовать пронзительную силу настоящей любви, нужно было

пройти трудной дорогой через тернии...» Как часто и сама Заира думала так же!

Какие-то притихшие, они долго сидели за столом. Потом выпили за счастье, за здоровье, помянули год назад умершего Андрея. Пирог удались на славу!

Это было в пятницу. На субботу Заира наметила весеннюю уборку квартиры. Они сговорились пойти через день куда-нибудь пообедать после воскресника на заводе.

Субботнее утро началось ежедневным звонком Виктора:

– Доброе утро, дорогой мой человек! Что делаешь?

– Собираюсь окна мыть.

– Ну, трудись. Я подпишу бумаги, приму людей, потом позвоню.

Часа через два он позвонил опять:

– Ра, заглянул в портфель – обнаружил подарок, который забыл вручить тебе вчера. Совсем я замотался, если даже такое стал забывать.

– Ничего, отдашь завтра.

Заира помыла окно, стала подметать. Еще звонок:

– Так, может, завезти тебе подарок?

Она осмотрела недоубранную комнату, не хотелось бросать работу незаконченной.

– Да не беспокойся ты, завтра же увидимся...

Виктор позвонил еще через полчаса:

– Ну, буду собираться. Устал я что-то сегодня. До завтра, родная!

Заира положила трубку, и ей стало беспокойно: Виктор звонил, явно напрашиваясь на приезд, а она из-за пустячной уборки заупрямилась. Через пять минут она набрала его номер – телефон молчал. Значит, Виктор уехал домой.

На завтра ровно к десяти часам Заира и Лара приехали на воскресник. Во дворе завода группами стояли пришедшие на воскресник, но никто почему-то еще не работал. Заира зашла в свою лабораторию, чтобы переобуться. Зазвонил телефон. Взволнованный голос Лары:

– Заира, несчастье случилось. Виктор Сергеевич.

– Говори же! Что? Авария? Ранен?

– Нет его больше... вчера умер...

Заира бросила трубку. Выбежала из лаборатории. Лара что-то путает. Как это – умер? Еще вчера она с ним разговаривала...

В дверях она столкнулась с Алексеем Федоровичем, с надеждой посмотрела на него, но он печально сказал:

– Да, Заирочка, нет больше Виктора.

Она вернулась в лабораторию и стала тихо рыдать, а хотелось ей, как всем осетинкам в горе, царапать щеки и рвать волосы. Потом ей стало казаться, что она должна что-то делать, узнавать, куда-то бежать. Она вышла из лаборатории, за дверью стоял Алексей Федорович и не впускал Лару:

– Пусть она побудет одна, пусть выплачется.

Заира шла по заводскому двору, даже не вытирая слез. Ей было совершенно безразлично, что думают глядящие на неё кто с сочувствием, кто с любопытством люди, мимо которых она проходила. Куда идти? Кто поймет её сейчас?

Она пришла к дочери, самому близкому человеку!

– Что с тобой? Что случилось? – испуганно спросила Фатима.

– Умер Виктор...

– О, мамочка, бедная моя мамочка!

Они сидели, обнявшись и обе горько плакали...

Потом Заира пошла к Нюсе.

– Вы слышали о несчастье?

– Да, Заира, да. Мне ночью звонил Игорь.

– Что же Вы не позвонили мне?

– Я хотела, чтоб Вы хоть ночь спокойно поспали. Я ведь знаю по себе, какое это горе. А о вас я и Андрей с первого дня знали, просто делали вид, что ни о чем не подозревали.

Нюся рассказала, что дежурный по заводу поздно вечером обнаружил Виктора в комнате отдыха рядом с кабинетом. Видимо, он почувствовал себя плохо, и прилег на диван. Сообщили семье, вызвали скорую. Предположительно – инфаркт миокарда.

– Сейчас он в морге. Похороны послезавтра с завода, домой завозить не будут, – закончила Нюся свой рассказ.

В день похорон гроб с телом Виктора с утра поставили в вестибюле. Заира под руку с Фатимой шла с Нюсей и её сыном мимо длинной вереницы сотрудников КБ, рабочих завода: Виктора Сергеевича любили, печаль была искренней. При приближении Заиры разговоры стихали. Они были уже у дверей, когда секретарь парткома, пропустив Нюсю, загородил вход.

– Заира Казбековна, вам не нужно идти. Я знаю: вы были самым близким человеком Виктору Сергеевичу, но... сейчас неудобно...

– Вы хотите, чтоб я стала в очередь?

Он не успел ответить, как, заслонив Заиру, к нему вплотную подступила Фатима и звенящим голосом сказала:

– Отойдите от мамы! Пустите нас!

– Да, да, пожалуйста, – отошел секретарь от двери.

Все усыпано цветами. Из-за спин, стоящих в почетном карауле, Заира мельком увидела в гробу незнакомое лицо, задержалась взглядом на лацканах черного пиджака. Почему они так блестят? Она не могла сообразить, почему, а это казалось очень важным. Больше ей не хотелось смотреть туда. Там лежал не Виктор! В ушах еще звучал его голос, перед глазами мелькала его быстрая, подвижная фигура, плечи ощущали его руки... Там лежал кто-то совсем другой. Плакать не хотелось. Она стояла и про себя разговаривала с ним, машинально следя за сменяющимся караулом. Вот стал Гиви с траурной повязкой. Когда он прилетел? Наверное, только что, иначе как он мог не позвонить ей? Хотя теперь, может, и мог... Караул сменился, и Гиви подошел к жене и сыну Виктора, сидящим у гроба, наклонившись, обнял их. Подняв голову, заметил

Заиру. Она напряглась – подойдет ли? Обойдя сидящих родственников, подошел к ней, скорбно опустив голову. Сказать ничего не успел – его кто-то отозвал.

На кладбище Заира так же безучастно стояла в сторонке под руку с Фатимой. Слушала слова, какие обычно произносятся над гробом видного человека: и талантлив был, и мудр, и руководитель и воспитатель молодежи, и примерный семьянин, и рано ушел, и навеки останется в памяти...

Подошел Алексей Федорович, стал рядом, взял её руку...

Дома Заира приняла снотворное. Спать, спать, чтоб ни о чем не думать!

Было уже темно, когда её разбудила Фатима. Пришли Гиви и прилетевший с ним коллега, знавший Виктора.

И тут, наконец, на плече Гиви она выплакала все слезы, накопившиеся за весь долгий день. Плакал и он, горюя о смерти близкого друга. За столом долго сидели, вспоминая, как несколько раз проводили время в Москве, как Заира и Виктор гостили на даче у Гиви под Сухуми. Вспомнили и покупку платья – первого подарка Виктора. Потом Гиви стал возмущаться:

– Такой человек умер, а надели на него старый костюм! Так вот почему лацканы блестели!

...Когда у Фатимы родился сын, его назвали Виктором.

***

В день операции Заира проснулась очень рано. После всех необходимых предоперационных процедур сходила в реанимационную палату, узнала у медсестры, что Тамара, прооперированная накануне, чувствует себя удовлетворительно. Выполнила «чашечный» ритуал, соблюдение которого все считали очень важным для последующего выздоровления: свою чашку надо было оставить на тумбочке, положить в неё лимон, а под ним – три рубля. После операции няня из реанимации

придет за чашкой и лимоном, а деньги оставит себе. У Заиры не было трех рублей, она хотела положить пять, но все дружно запротестовали против нарушения принятой таксы. Пришлось разменять деньги. Больше делать было нечего, а до операции еще долгий час. Заира слонялась по палате, потом вышла в коридор и стала ждать Владимира Леонидовича: а вдруг он что-то важное ей еще скажет. Увидев врача в конце коридора, пошла ему навстречу.

– Почему вы не в палате? – спросил Владимир Леонидович. – Вас что-то тревожит?

– Да.

– Что же?

И, понимая, что говорит глупость, Заира выдавила из себя:

– А не может так случиться, что я еще не засну, а вы начнете оперировать? Или я уже проснусь, а вы еще не закончите?

Без улыбки врач ответил:

– Я обещаю вам: ни того, ни другого не произойдет. Будьте спокойны. Идите, скоро начнем

И опять операционная, яркий свет, холод стола...

Проснулась Заира от чьих-то слов:

– Она еще спит. Вон напротив двери как раз.

Заира открыла глаза. В проеме двери увидела родные лица: Алан, Люда, Фатима, Сережа. Поняла, что она уже в реанимационной палате. Успела помахать им рукой, пока сестра не прикрыла дверь.

На соседней кровати лежала Тамара. Опять они рядом!

Через день их перевели в большую шумную послеоперационную палату, где и Заире, и Тамаре было очень неудобно. Они пробыли там только сутки, когда за ними прислал Владимир Леонидович, предложив вернуться к себе, пока их места свободны, и они с радостью водворились в родную уже обжитую палату.

В этот же день в палату поступила новенькая – Вера Николаевна, немолодая женщина с изможденным лицом, судя по речи,

интеллигентная. Её привели под руки два сына, заботливо уложили, укрыли. Сестра сделала ей укол, и вскоре она уснула. Вечером Вера Николаевна пришла в себя и рассказала, что ей шестьдесят лет, что она была главным инженером крупного завода, работу оставила три года назад, когда мужа после инсульта парализовало. Оба взрослых сына живут отдельно, и, хотя часто навещают отца, основная тяжесть по уходу за неподвижным мужем лежит на ней. Вот уже полгода у неё болит бок, болит в том месте, куда упирается коленом больной, когда она его переворачивает. Она терпела боль, все некогда было сходить к врачу, сильное похудение считала результатом переутомления. Сыновья насильно отправили её в поликлинику, и вот она в онкологии. В первый же день её долго осматривал палатный врач, приходил и заведующий отделением, потом её увели на консилиум. Кто-то из больных видел, как из ординаторской выходили сыновья Веры Николаевны, оба растерянные.

Тревога о муже ни на минуту не покидала Веру Николаевну. При виде сыновей она забрасывала их вопросами:

– Как папа? Кто у него сегодня? Чистое белье в верхнем ящике комода. Утром он просыпается в восемь часов. В бульон крошите сухарики. Каша должна быть чуть теплая. Переворачивать его нужно три раза в день.

Она вся была дома, с мужем, беспокоилась только о нем, совершенно не думая о себе, хотя, судя по поведению врачей, дела её были не блестящи.

После отбоя Заира долго не могла заснуть, хотелось ворочаться, но кровать так скрипела, что она боялась всех перебудить.

– Не спите? – окликнула её Вера Николаевна. – Я тоже, днем отоспалась после укола.

И они начали тихонько разговаривать. Вера Николаевна оказалась очень начитанной. Они читали одни и те же книги. Обе любили Паустовского, Василия Быкова, Айтматова, Искандера. Поговорили о

«Письмах незнакомке» Моруа. И совсем покорила Вера Николаевна Заиру, когда на память прочла стихотворение Вероники Тушновой из сборника «Сто часов счастья»; она вспомнила, как дарил ей такой сборник Виктор.

Под конец Вера Николаевна спросила:

– А свой родной язык Вы знаете?

– Да, конечно.

– Знаю только одного вашего поэта – Коста Хетагурова. Я никогда не слышала звучания осетинского. Вы не можете что-нибудь прочесть?

Заира задумалась, затем прочла «Завещание» Коста, которое помнила еще со школы.

– Спасибо, Заира! – проговорила Вера Николаевна. – Как приятно в таком мрачном месте встретить интересного человека.

– Сказать Вам тоже самое – получается «кукушка хвалит петуха»...
Лучше промолчу. Спокойной ночи!

Через неделю после операции Заира и Тамара стали опять ходить на «пушку». Но она уже не казалась такой жуткой – страшная операция была позади.

Как-то, вернувшись из радиологического корпуса, Заира застала в палате Азу. Как ни старались скрыть от неё болезнь, она заподозрила что-то неладное, раз Заира месяц не звонила, и приехала с дочерью. Сестры обнялись, и Заира почувствовала, как Аза дрожит, да и выглядела она так, что неизвестно было, кто из них болен.

Несколько дней Аза приходила в больницу каждый день, а потом Заира договорилась, что Владимир Леонидович выпишет её, а на оставшиеся десять сеансов лучевой терапии она будет приходить из дому – Алан жил рядом, идти было недалеко.

В день, когда выписывалась Заира, оперировали Веру Николаевну. Заира ждала врача, чтоб забрать справку, но его очень долго не было – операция явно затягивалась. Где-то в середине дня через открытую дверь палаты Заира увидела, как провезли Веру Николаевну. Заира быстро

вышла в коридор и пошла рядом с каталкой. Вера Николаевна почему-то не спала. Еле шевеля губами, она пыталась что-то сказать. Заира наклонилась и услышала её шепот.

– Не пропадите...

– Нет, нет, Вера Николаевна. Я дала вашему сыну свой телефон, взяла Ваш. Я приду послезавтра, проведу Вас.

Через день Заира с Азой пришли в больницу. Вначале Заира зашла в ординаторскую. Владимир Леонидович был не в духе. Он сидел за столом, мрачно уставившись в одну точку, не притрагиваясь к свертку с завтраком. Заира вручила ему букет цветов и поставила на стол тарелку с горячими осетинскими пирогами.

– Угощайтесь обещанными пирогами. Пекла, правда, не я, а племянница, но она это делает вкуснее меня.

– Цветы отдайте медсестре, а за пироги большое спасибо. Я и маме отнесу, давно их расхваливал ей.

В палате Аза обносила всех пирогами.

– Ты побудь здесь, а я схожу проведу Веру Николаевну, – сказала ей Заира.

Наступила тишина.

– Заира, не надо никуда ходить. – произнесла, наконец, Тамара.

– Почему?

– Нет больше Веры Николаевны... Позавчера ночью умерла, сердце не выдержало...

Ошеломленная, Заира стояла, сдерживая срывающуюся с губ глупую фразу, которую обычно все произносят, узнав о смерти: «Ведь я же совсем недавно с ней разговаривала!».

С тяжестью в душе вышла Заира из палаты. В коридоре её остановили две женщины.

– Скажите, пожалуйста, сколько вы дали?

– Что дала? Кому? – не поняла Заира, продолжая думать о Вере Николаевне.

– Ну хирургу же. Он и нас будет оперировать, а мы не знаем по сколько ему дать. Нам сказали, что он к Вам хорошо относится, а никто не знает сколько вы дали.

– Нисколько не дала, – резко ответила Заира.

Обе женщины недоверчиво посмотрели на неё, потом, перебивая друг друга, стали уверять, что никому не выдадут её тайну.

– Оставьте меня в покое! Я вам сказала, что ничего ему не дала, он хорошо относился ко мне бесплатно!

Обиженные, они наконец отошли от Заиры, а она под руку с Азой и Тамарой пошла на очередной сеанс в радиологический корпус.

***

Недели через две пришло письмо из Изюма. Почерк незнакомый:
Здравствуйте, уважаемая Заира Казбековна!

Прочел я Ваше письмо и решил ответить. Я помню Вас, да и Тамара много о Вас рассказывала. Восемь месяцев, как ушла от нас моя дорогая Тамарочка. Зимой вела внучку в садик и поскользнулась. От сильного ушиба у неё опять повторилась болезнь... Мы до сих пор не можем опомниться. А для меня свет померк после смерти моей любимой жены.

Всего Вам хорошего! Будьте здоровы!

Чередниченко.

Заира не могла опомниться. Трудно было себе представить всегда улыбающуюся, цветущую, совсем, казалось, поправившуюся Тамару мертвой. Заира не могла простить себе, что только через год написала ей, как будто сделай она это раньше, и что-то было бы по-другому. Вот и с Любовью Васильевной они все реже перезваниваются и виделись давно, хоть и живут почти рядом.

Заира набрала номер Любви Васильевны, раздумывая, стоил ли её расстраивать печальной вестью о Тамаре. Ответил мужчина.

– Можно Любовь Васильевну?

- Кто её спрашивает?
  - Мы вместе лежали четыре года назад в одной палате. А вы наверно, сын?
  - Да.
  - Так дома мама?
  - Мама...
  - Что с Любовью Васильевной?
  - Что же Вы спрашиваете, раз вместе лежали?
- И... короткие гудки.

1993 год

СОДЕРЖАНИЕ

Запах родного ветра	0
ПАМЯТЬ,	
или «Там, где Ганг стремится в океан...»	1
ВОСКРЕШАЯ В ПАМЯТИ ПРОШЕДШЕЕ	12
ТРАГЕДИЯ БРАТЬЕВ	12
ЛОМОТЬ ЧУРЕКА	22
КУКУРУЗНОЕ БОГАТСТВО	23
ЗА КАРТОШКОЙ	24
ДЕДУШКА	25
ПОХИЩЕНИЕ	30
БЕЛЫЕ РУБАШКИ	32
НИКТО НЕ ЗАБЫТ!?	38
МОЕ ПОКАЯНИЕ	41
БЕЗ ВИНЫ ВИНОВАТЫЕ	46
ПИСЬМА О ПРОШЕДШЕМ	48
ЗАПАХ РОДНОГО ВЕТРА	56
КОРОТКИЕ ГУДКИ	57
СОДЕРЖАНИЕ	112